

Смертельные
тайны

ЭШЛИ УИНСТЕД

18+

МНЕ СНИТСЯ НОЖ
В МОИХ РУКАХ

Смертельные тайны. Триллер

Эшли Уинстед

Мне снится нож в моих руках

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уинстед Э.

Мне снится нож в моих руках / Э. Уинстед — «Издательство АСТ», 2021 — (Смертельные тайны. Триллер)

ISBN 978-5-17-148144-5

Шестеро друзей. Шесть сокровенных тайн. Одно нераскрытое убийство. Шестеро друзей приезжают в университет на встречу выпускников. Десять лет назад при загадочных обстоятельствах была убита их подруга, а одного из них подозревали в убийстве. До смерти Хезер «Семерка Ист-Хауз» была неразлучна, теперь же едва узнают друг друга... Сейчас кто-то собрал их всех вместе, чтобы выяснить, что на самом деле случилось той ночью. Кто-то полон решимости раскрыть их секреты и поймать настоящего убийцу в ловушку, заставить виновных заплатить. Теперь они являются целями, потому что один из них либо настоящий убийца, либо знает больше, чем говорит. Но может ли так быть, что кто-то стал убийцей, но не помнит об этом? Так что же произошло той ночью на самом деле?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-148144-5

© Уинстед Э., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Эшли Уинстед
Мне снится нож в моих руках
Роман

Ashley Winstead
In My Dreams I Hold a Knife

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Печатается с разрешения издательства Sourcebooks, LLC и литературного агентства Nova Littera SIA

© 2021 by Ashley Winstead
© Ребиндер Т., Камина Т., перевод, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Сейчас

У тела есть некое знание. Как антенна, настроенная на дуновения воздуха, или «волшебный щуп», чувствующий что-то столь глубокое, что слов для этого ещё нет. В субботу, когда оно пришло, я проснулась натянутая, как гитарная струна. Весь день я чувствовала, как мою спину распрямляет некий гул; нечто, что я не распознавала как предвкушение до того самого момента, когда засунула ключ в почтовый ящик, повернула его в замке – и вот оно. Со всей пышной торжественностью, которой можно ожидать от университета Дюкета: толстый кремовый конверт, запечатанный кроваво-красным символом Блэквельской башни на воске. Как только я вытащила его из ящика, мои руки начали трястись. Я очень долго ждала, и вот наконец оно тут.

Как во сне я пересекла мраморный пол первого этажа своего дома и вошла в лифт, едва замечая других людей и остановки между этажами, пока мы не доехали до восемнадцатого. Зайдя в квартиру, я заперла дверь, сбросила кроссовки в угол и бросила ключи на столик. Вопреки собственным правилам, я упала на диван цвета слоновой кости прямо в спортивной одежде; штаны из спандекса всё ещё были мокрыми от пота.

Я просунула палец под загнутый край конверта и потянула, порвав конверт и проигнорировав лёгкий укус бумаги о кожу. Вывалилось тяжёлое приглашение с крупными, выпуклыми словами: «Настоящим официально приглашаем вас на встречу выпускников университета Дюкет, 5–7 октября». Рисунок Блэквильской башни красными чернилами; такой большой, что верхушка пика только что не резала слова. «Мы с нетерпением ждём возможности видеть вас в эти выходные на встрече выпускников – горячо любимой традиции университета Дюкета. Также к этому письму прилагается приглашение на вечеринку по случаю десятилетия окончания университета выпуска 2009 года. Приезжайте, чтобы заново пережить дни в Дюкете и отметить многочисленные, с окончания университета, достижения, ваши и ваших однокурсников».

Когда я потрясла конверт, из него выскользнуло маленькое красное приглашение. Я положила его на кофейный столик, рядом с большим, погладила пальцами рельефные буквы, попробовав острые края по углам. Моё дыхание сбилось, а лёгкие работали так, как будто я вернулась на велотренажёр. Встреча выпускников Дюкета. Я не могла вспомнить, когда я стала ей одержима – возможно, постепенно, по мере того, как мой план рос и становился все полнее и подробнее.

Я посмотрела на висящий над моим обеденным столом баннер, на котором было написано «ПОЗДРАВЛЯЕМ!» – я так и оставила его висеть после вечеринки две недели назад по случаю моего повышения по службе: самая молодая женщина, ставшая партнёром в огромной консалтинговой компании «Колдвел энд компани Нью Йорк». Об этом даже написали в «Дэйли Ньюз»; статья была написана под феминистским углом: о молодых женщинах, строящих карьеру в корпорациях. Она висела у меня на холодильнике (и убиралась, когда приходили гости), а ещё шесть экземпляров лежали в моём столе. Седьмой я отправила своей маме в Вирджинию.

Та победа оказалась идеально по времени к этой. Я вскочила с дивана и побежала в ванную, оставив занавески открытыми, чтобы смотреть на город. Я теперь была девушкой из верхнего Ист-Сайда, а в колледже я была девушкой из Ист-Хауза. Мне нравилась такая преемственность и то, как моя жизнь до сих пор была связана с тем, кем я была тогда. «Приезжайте, чтобы заново пережить свои дни в Дюкете», говорилось в приглашении. Я стояла у окна ванной, и эти слова действовали на меня как заклинание. Я закрыла глаза и принялась вспоминать.

Я иду через кампус, в окружении величественных готических башен – драматичная архитектура смягчается магнолиями; их толстыми скрученными ветвями, восковыми листьями и белыми цветами с таким одуряющим ароматом, что притягивает к себе, на расстояние вытянутой руки, прежде чем ты осознаешь, что ушла с тротуара. Колледж: свобода столь полная, что восторг не проходил все четыре года.

Кирпичные стены Ист-Хауза – до сих пор тот образ, который всплывает в голове, когда я думаю о доме, хоть я и жила там всего год. И общежитие «Фи Дельты» в полночь: музыка пробивается даже через закрытые двери, мерцающий свет, бьющий из окон; студенты, одетые для какой-нибудь из тематических вечеринок, которые вечно придумывал Минт. Искорки в животе каждый раз, когда я поднималась по каменным ступеням; глаза подкрашены чёрным лайнером, рука под руку с Каро. Всё это было одуряющим, даже до того, как появлялись красные стаканчики.

Четыре года жизни будто бы на картине в духе фовизма: дни, пропитанные ярким цветом и эмоциями густыми, как живописный грунт. Будто бы это какая-то пьеса: драматические подъёмы, будто скалы, и тёмные падения, как омуты. Наша компания – главные герои, с самого первого курса, когда мы заработали свою популярность и прозвище. «Ист-Хаузская семёрка». Минт, Каро, Фрэнки, Куп, Хезер и я.

Люди, ответственные за самые лучшие и худшие дни в моей жизни.

Но даже в самые худшие моменты никто из нас не мог бы предсказать, что один из нас не переживёт колледж. Другой будет обвинён в убийстве. Остальные разлетятся в разные стороны. «Ист-хаузская семёрка» – уже не честь, а обвинение, разбросанное по заголовкам газет.

Я открыла глаза и посмотрела в зеркало в ванной. На секунду оттуда на меня взирала восемнадцатилетняя Джессика Миллер, с нуждающимися в стрижке, которой не существовало в Норфолке, Вирджиния, волосами естественного цвета. Острые локти, как у любого худющего подростка, в одной из своих плиссированных юбок, с крашенными ногтями. Отчаянно желающая быть увиденной.

Вспышка – и вот её нет. На её месте стоит тридцатидвухлетняя Джессика, раскрасневшаяся и взмокшая, да, но отточенная всем, что только может позволить зарплата консультанта в Нью-Йорке: блондинка, с более белыми зубами, более гладкой кожей, более стройная и мускулистая.

Я изучала себя так, как делала всю жизнь: в поисках того, что видели, глядя на меня, другие. Я хотела, чтобы они видели идеал. Я жаждала этого в самых тёмных глубинах своей души: быть такой прекрасной, что остальные останутся лишь пылью под ногами. Это не особенно привлекательное качество, поэтому я никогда не рассказывала об этом никому, кроме как однажды своему психотерапевту. Она спросила, считаю ли я, что можно стать идеальной, и я поправила, что не обязательно быть буквально идеальной; достаточно просто быть лучше всех.

Ещё менее очаровательное признание: иногда – редко, но иногда – я чувствовала себя идеальной, или приближенной к идеалу. Иногда я, как сейчас, стояла перед зеркалом в ванной, медленно расчёсывая волосы, изучая прямую линию своего носа, чёткие изгибы скул, подсчитывая все свои достоинства, думая: «ты прекрасна, Джессика Миллер», и меня переполняла гордость от того, какой объективно прекрасной я стала. В тридцать два, на взлёте карьеры, диплом Дюкета с отличием, выпускница сестринства «Каппа», второе место в выпуске старшей школы «Лэйк Грэнвилль». Завидный список бывших бойфрендов, кредит на образование наконец-то выплачен, собственная квартира в самом престижном городе мира, битком набитый гардероб и загранпаспорт в штампях, высокие баллы экзаменов в аспирантуру. Как ни поверни – я прекрасна. В плане успешности, можно сказать, на вершине эволюции.

Но как бы я ни пыталась двумя руками держаться за сияющие бриллианты своих достижений, подбирался и тёмный список. Всё, что мне не удалось; каждое второе место, каждое

отвержение – все это собиралось, пока осознание не становилось невыносимым, а расческа не летела в раковину. В зеркале – новое видение. Белозубая блондинка в дорогих велосипедках – это всё жалкие попытки прикрыть правду: что я, Джессика Миллер – человек весьма средний, и всегда таковым была.

Как бы я ни пыталась это отрицать, теневой список шептал: «консультантом ты стала только от отчаянья, когда у тебя отобрали путь, которого ты желала. „Каппа“, второе место? Всегда вторая. Твои баллы в аспирантуру не так высоки, как ты надеялась». Он шептал, что я была такой же обыкновенной и неоригинальной, как обещало моё имя: Джессика – самое популярное имя для девочки в год моего рождения, Миллер – одна из самых распространённых в Америке фамилий в последнюю сотню лет. Мир полон Джессик Миллер, грош им цена в базарный день. Я никогда не могла понять какая из историй – верная: Исключительная Джессика или Так себе Джессика. Моя жизнь была историей, которую я не могла разобрать; полной конфликтующих свидетельств.

Я достала из раковины расчёску и аккуратно положила на столик в ванной, потом сообразила, снова подобрала её и выдернула из зубьев гнездышко светлых волос. Я скатала волосы в шарик между пальцев, чувствуя, как они ломаются.

Вот почему встреча выпускников – это так важно. Ничто в моей жизни не было похоже на то, что я представляла себе в колледже. Все мечты, все планы были разрушены. В прошедшие с выпуска десять лет я без отдыха работала, чтобы восстановиться: стать красивой, успешной, интересной. Создать версию себя, которой всегда хотела быть. Сработало ли это? Если я смогу вернуться в Дюкет и показать себя людям, мнения которых значили больше всего, я смогу прочесть правду в их глазах. И потом я буду знать, раз и навсегда, кто я на самом деле. Я поеду на встречу выпускников и пройду по знакомым залам, поговорю со знакомыми людьми, помещу Новую Джессику в историю Прежней Джессики и увижу, как всё изменилось.

Я закрыла глаза и призвала образ, ставший теперь таким знакомым, будто я уже его прожила. Я захожу на вечеринку выпуска 2009; все – в коктейльных платьях. Все поворачиваются ко мне, разговоры прекращаются, музыка замолкает, бокалы с шампанским опускаются, чтобы получше рассмотреть. Я раздвигаю море бывших студентов и слышу, как они шепчутся: «Неужели это Джессика Миллер? Она выглядит потрясающе. Если задуматься, она всегда была самой красивой девушкой колледжа», и: «А вы знали, что она – самая молодая женщина – партнёр в „Колдвел Нью-Йорк“? Я слышал, что о ней писали в „Форбс“. Наверное, она всегда была гением. Почему это я раньше не обращал внимания».

И вот я наконец пребываю на место назначения: туда, куда меня всегда тянуло, как бы далеко в пространстве или во времени я ни была. К людям, которые притянули меня на свою орбиту. Минт, Каро, Фрэнки, Куп. Только теперь не будет Хезер и Джека. В этот раз там будет Кортни, раз уж она так неизбежно поместила себя в нашу компанию. Но всё будет хорошо, потому что на этот раз звездой буду я. Каро при виде меня ахнет, Фрэнки скажет, что хоть он и общается с моделями, я всё равно самая красивая девушка, какую он когда-либо видел. Кортни позеленеет от зависти, слишком смущённая моим успехом и тем, сколько я зарабатываю денег, чтобы говорить о своей дурацкой карьере в качестве фитнес-блогера. Минт бросит руку Кортни, как будто она горит огнём, не способный отвести от меня глаз, а Куп... Куп...

На этом месте я всегда теряла нить. Это был дурацкий образ. Я это знала, но от этого не переставала хотеть. И тридцатидвухлетняя Джессика Миллер жила по правилу, которое Джессика из колледжа только начала учить: если ты чего-то хочешь достаточно сильно, для достижения этого ты сделаешь всё, что угодно. Да, я вернусь, чтобы заново прожить свои дни в Дюкете, как было сказано в приглашении, но на этот раз я сделаю это лучше. Я буду незаурядной Джессикой. Покажу как они были неправы, что не заметили этого раньше. Встреча выпускников станет моим триумфом.

Я отпустила шарик волос, и он упал в мусорку. Даже перепутанные, валяющиеся среди ватных палочек и дисков, волосы всё ещё были красивыми.

Но тут на мгновение появилось видение: рваные светлые волосы, липкие и красные, на фоне белых простыней. Я потрясла головой, отгоняя от себя эту помеху.

Я им всем покажу. А потом наконец-то избавлю себя от этого предательского шёпота – того, который говорил, что я делала всё не так, совершала самые худшие из возможных ошибок, с тех самых пор, как впервые увидела Ист-Хауз через треснувшее лобовое стекло родительской машины.

Наконец-то я возвращалась домой.

Глава 2

Сейчас

За ночь до отъезда на встречу выпускников я пошла с Джеком в бар. Радостное возбуждение, овладевшее мной в эти недели после получения приглашения, было подпорчено чувством вины: я знала, что Джек тоже получил приглашение, но никогда в жизни не сможет туда вернуться. Долгая дорога в его любимый бар за рулём через весь город – тихая и незатейливая – стала жалкой карой за грехи, которые я никогда не смогу искупить. Главным из этих грехов было то, что, в отличие от его жизни, моя собственная не рассыпалась в пыль в двадцать два года.

Я села напротив него за столик. Он пригубил свой виски и улыбнулся.

– Здравствуй, подруга. Я так понимаю, ты едешь в Дюкет?

Мы никогда не говорили о колледже. Я глубоко вдохнула и сложила руки на столе.

– Завтра вылетаю.

– Знаешь... – Джек улыбнулся, опустив глаза на стакан. – Я очень по нему скучаю. По всем этим горгульям, витражам и аркам. – Он поднял на меня взгляд. – Такие помпезные, особенно для Северной Каролины, такие красивые, да?

Я внимательно разглядывала его. Джек изменился не больше всех из нас; больше всех изменился Фрэнки, или может быть Минт; но повзрослел он куда больше, чем на десять лет. Он отпустил бороду и длинные волосы: волосы он подтыкал за уши, а борода скрывала его почти детское лицо, будто маска. В уголках его глаз виднелись ранние морщинки. Он всё ещё красив, но не той открыточной красотой, что в юности, когда он выглядел в точности так, как ожидаешь от лидера молодёжной группы; тогда Джек был из тех соседских мальчишек, которым любой спокойно доверит посидеть со своими детьми.

– Интересно, как поменялся кампус. – Джек мечтательно улыбнулся. – Как ты думаешь, кофейня «У мартышки» всё ещё работает?

– Не знаю. – Нежность в его голосе меня убивала. Я опустила глаза и уставилась на свои руки.

– Э-эй, – Джек сменил тон и я подняла взгляд, встретившись с ним глазами. Карие, с длинными ресницами, и такие же искренние, как всегда. Никогда не пойму, как ему удалось сохранить эту искренность – Надеюсь, что ты не переживаешь из-за меня. Я хочу, чтобы ты получила удовольствие. А я подожду пока ты мне по возвращении всё расскажешь. Сделай мне одолжение и проверь как там «Мартышка»? Мы с Хезер туда ходили каждое вос... – он осёкся, но голос его уже не дрожал, как когда-то. Ему становится лучше. Он вот уже несколько лет не звонил мне посреди панической атаки, повторяя высоким детским голосом снова и снова: «*Я не могу забыть её тело!*»

– Конечно, зайду. – Одна из двух официанток этого бара – самая хамоватая – водрузила передо мной стакан вина и молча удалилась. – Спасибо, – крикнула я ей вслед и отпила глоток, изо всех сил стараясь не поморщиться на глазах у Джека. Я обычно заказываю стакан самого дорогого вина в баре, но тут и это не особенно помогло.

Я с усилием проглотила вино.

– О чём ещё доложить?

Он взволнованно приосанился и на секунду стал похож на восемнадцатилетнего себя.

– Слушай, чего я только не хочу узнать! Ладно, во-первых, все подробности про Каро и Купа: как он сделал предложение, назначили ли они дату, что она наденет? – Затараторил он, осторожно обходя тот факт, что на свадьбу его не пригласили. – Думаешь, они встречались ещё в колледже и скрывали у нас? Обязательно её спроси. Мне интересны все грязные подробности. Кто вообще мог себе представить их вместе? Так неожиданно.

Я залпом осушила стакан и жестом потребовала ещё, хоть и знала, что эта официантка ненавидит когда я так делаю.

– Угу, – сказала я, сглотнув. – Обязательно.

Джек усмехнулся.

– Мне нужен подробнейший отчёт о том как сейчас выглядит Куп. Хочу знать сколько у него татуировок, до сих пор ли он один в один персонаж «Аутсайдеров», обрезал ли волосы. – Он подёргал себя за локон. – Как ты думаешь, у меня теперь стрижка как у него?

Смерть от миллиона царапин.

– Прямо Понибой, которому на всё насрать. Куп как он есть. А Каро, что узнать о ней?

Его взгляд стал задумчивым.

– Наверное, я просто хочу знать счастлива ли она. Не знаю... Каро особенно не меняется. И ты всё равно о ней больше всех говоришь.

Он был прав. Каро выглядит и ведёт себя точно так же, как тогда. Она всё ещё регулярно пишет мне смски, хоть и не каждые пять минут, как в колледже. Собственно, единственное, что изменилось у Каро – это появление Купа.

– Обязательно расскажи мне похож ли Минт до сих пор на кинозвезду, – сказал Джек, – или наконец-то начал лысеть, как его папаша. Боже, я даже не знаю, хочу ли я, чтобы ты сказала, что он стал ещё красивее или что лысеет – вот было бы по заслугам. Поверить не могу, что он ушёл из юридического университета, чтобы спасти семейный бизнес. С его семьёй всегда что-то было не так, да? С его отцом или с мамой?.. Я помню, как на последнем курсе Минт как-то вышел из себя... – Джек осёкся посреди предложения и широко раскрыл глаза. – Блин. Прости. Я идиот.

И вот она. Жалость, даже от Джека. Потому что я потеряла Минта – человека, который делал меня ценной одним своим присутствием. И хотя в момент нашего разрыва никого рядом не было, и никто не видел, как глубоко меня это ранило, все, похоже, и так чувствовали.

– Во-первых, – сказала я, отдавая официантке пустой стакан в обмен на полный, – это было давно и мне в прямом смысле наплевать. Я вообще-то очень хочу повидаться с Минтом. И с Кортни. Уверена, они очень счастливы вместе. – Я отогнала от себя образ моего ноутбука, разбитого об стену, а на экране всё ещё фотография с их свадьбы. – А во-вторых, «блин»? По-моему, очаровательно, что ты по-прежнему не матерешься. Бой-скаут, раз и навсегда. Кстати, – продолжила я, – Ты знал, что Фрэнки недавно купил один из домов Минта?

Нож: вставить, повернуть. Глаз за глаз.

– Правда? – Джек пожал плечами, изображая безразличие, но я увидела, как поднимается и опускается его кадык, когда он с усилием сглатывает. – Молодец. Значит, он получает всё, чего хотел. – Он отбросил назад волосы – этот жест он тоже украл у Купа. – Ну его. Фрэнки весь мир видит каждое воскресенье. Узнать, чем он занимается, нетрудно. Что я правда хочу – так это чтобы ты вернулась и сказала, что Кортни увлеклась кристаллами и медитацией или занимается физиотерапией с пожилыми лошадьми. Чем-нибудь благотворительным и неожиданным.

Я чуть не подавилась вином.

– Кортни? Если она хоть на йоту менее гадкая, чем была, я считаю это глубочайшим личным ростом.

Джек закатил глаза.

– Я сказал, что надеюсь, а не жду.

– Ха.

– Знаешь, мне всегда было её жалко. Мне всегда казалось, что под всей этой дизайнерской одеждой и стервозностью скрывается закомплексованная маленькая девочка, которая очень хочет, чтобы её любили. – Он картинно вздохнул и приложил руку к груди. – Ты смотри-ка, я

всё-таки выругался. Радуйся сейчас: больше это не повторится. Похмелье в виде баптистского чувства вины уже подкрадывается.

Я покачала головой, пытаюсь удержать на лице улыбку, но чувствовала, как сердце моё разбивается.

– Джесс, – Джек накрыл своей рукой мою. – Я правда хочу, чтобы ты хорошенько развлеклась. За нас обоих.

Развлеклась, ага. Я собиралась добиться куда большего. Я откашлялась.

– После того, как я подробно отчитаюсь тебе обо всех, в награду я ожидаю, что ты наконец-то познакомишь меня с Уиллом.

Джек убрал руку.

– Может быть. Ты знаешь, что я предпочитаю... разделять эти вещи.

Джек до сих пор не представил меня своему молодому человеку – ни разу за все годы нашей обновлённой дружбы, которая и сама по себе была странной. Когда Джека на последнем курсе обвинили в убийстве Хезер, несколько месяцев перед тем, как он навсегда покинул кампус, другие студенты, завидев его, переходили дорогу: все были уверены, что убийца – именно он. Если он входил в помещение, все напрягались и расходились.

Но не я. Я в его обществе оставалась расслабленной – ни учащённого сердцебиения, ни дрожащих рук – и всё это несмотря на то, что у полиции были почти неопровержимые доказательства.

Моя реакция не поддавалась логике. Джек был парнем Хезер – первым подозреваемым в её убийстве. Покрытые её кровью ножницы – те самые, которыми её зарезали, нанеся множество ударов – нашли в его комнате. Свидетели видели, как Джек и Хезер громко орали друг на друга всего за несколько часов до того, как было обнаружено тело. Доказательства налицо.

Но в конце концов полиции не удалось осудить Джека. В некотором роде это не имело значения. В глазах всех он всё равно был убийцей.

Всех, кроме меня.

Медленно, сантиметр за сантиметром, знание, которым обладало моё тело, пробралось в мой мозг. Как-то ночью, примерно через год после того, как я переехала в Нью-Йорк, я проснулась в холодном поту, подскочила в крошечной снятой мною спальне, напряжённая, как струна, и наполненная единственной уверенностью: Джек – невиновен.

На то, чтобы связаться с ним, у меня ушло ещё три месяца. Он тоже жил в Нью-Йорке; пытался слиться с толпой. Я сказала ему, что считаю его невинным, и с тех пор стала одним из его немногочисленных друзей. Я была его единственным другом из колледжа, хотя до смерти Хезер он был популярен. Президент студсовета. Казначей «Фи Дельты». Волонтер года университета Дюкет.

Я никому не сказала, что до сих пор общаюсь с Джеком. Это мой секрет – ну, один из них.

Теперь от одного его вида – он был сама доброта – меня переполняла злость на людей. Джек всегда был таким несомненно хорошим, таким прямолинейным. То, что столько народу легко поверили, что он способен на такую ужасную жестокость, было поразительно. Я встречала опасных – по-настоящему опасных – людей и видела в жестокость в их глазах, слышала, как она наполняет их голоса. Джек – совсем не такой.

Так что я понимала, почему он хотел защитить новых людей в своей жизни от своего прошлого, от ужасов обвинения, которое хоть и не было предъявлено, снято тоже, по сути, не было. Не то чтобы он мог бы по-настоящему что-то от кого-то спрятать – есть же интернет, и тот факт, что он был обречён братья за самую грязную работу, потому что с любой другой его увольняли, ошеломлённые результатами поиска в Гугле. Или же тот факт, что он почти не общался со своей роднёй. Хотя, если по справедливости, это может быть и не только из-за Хезер, но и из-за их южного нрава, их баптистских взглядов, их зашоренности...

Я понимала, почему Джек хотел возвести твёрдую, нерушимую стену между «тогда» и «сейчас». Но это всё равно трудно укладывалось у меня в голове, ведь прошлое значило для меня так много. Я жила в непрерывном потоке воспоминаний; сцены из прошлого всё ещё разворачивались передо мной. Я слышала в голове голоса своих друзей, поддерживала жизнь в наших разговорах, даже если уже много лет говорила я одна, повторяя в этой односторонней беседе: «Подождите – и увидите».

У меня по спине пробежал холодок. Завтра уже не надо будет ждать.

Джек вздохнул.

– Спасибо, что пришла со мной повидаться перед отъездом. Знаешь, я рад, что ты так и не изменилась. Серьёзно. Десять лет – а Джесс всё та же.

Я чуть не уронила стакан.

– Что ты имеешь в виду? – Я показала на себя рукой. – Это платье от «Родарте». Посмотри на эти волосы, эти ногти. Обо мне писали в газетах. Я была в Европе – раз шесть, не меньше! Я теперь совсем другая.

Джек рассмеялся, будто бы я пошутила, и приподнялся, чтобы перегнуться через столик и поцеловать меня в лоб.

– Не переставай быть такой душкой, ладно? Ты – из хороших.

Я не хотела быть «душкой». Как неинтересно, как жалко. Но я хотела быть «из хороших»: это как будто эксклюзивный клуб. Я не знала что ответить. По крайней мере, Джек дал мне то, за чем я сюда пришла: его благословение. Теперь я могла ехать в Дюкет без чувства вины. Ради этого я, глядя, как он набрасывает себе на плечи плащ, придержала язык за зубами.

Он отошёл от стола, потом обернулся, и в его глазах было что-то... Волнение? Страх? Было трудно разобрать.

– И ещё кое-что. Мне всё приходят эти письма...

– Пожалуйста, не говори мне, что это эти религиозные на всю голову с обещанием, что ты будешь гореть в аду.

Джек поморщился.

– Нет. Наоборот. – Он посмотрел на меня, на мои поднятые от удивления брови. – Знаешь что, неважно. Может быть, это ничего и не значит. – Он расправил плечи. – Попроси записать своё вино на мой счёт. Клара никогда не требует с меня платы.

Он похлопал меня по плечу и ушёл, лавируя между разношёрстными стульями бара. Он остановился у выхода и оглянулся.

– Просто... Когда приедешь в Дюкет, передай от меня привет Эрику Шелби, – и вот он уже на улице, на тротуаре, и его уносит потоком людей.

На этот раз я и правда поперхнулась вином. Эрик Шелби – младший брат Хезер? Когда мы были на последнем курсе, Эрик был на первом. Никогда не забуду выражения его лица в день, когда нашли Хезер; он выскочил из-за угла, увидел толпу под нашей дверью, поискал в толпе лицо сестры, не нашёл...

Последний раз я видела Эрика и Джека вместе десять лет назад, возле библиотеки. Вокруг них собралась толпа. Эрик кричал на Джека, что тот убийца, что он заплатит за то, что сделал с его сестрой, что хоть копы его и отпустили, Эрик ни за что не остановится, пока не докопается до правды. Лицо Джека было бледным, как у призрака, но он не ушёл. Он стоял и слушал, сжав кулаки, пока Эрик кричал и размахивал своими худыми руками, а друзья пытались его удержать. Если в мире и был человек, ненавидевший Джека Кэррола больше, чем Эрик Шелби, я такого человека не знала.

Так почему же Джек попросил меня передать ему привет?

Глава 3

Август, первый курс

В день моего переезда в Дюкет у меня из головы не выходил четвёртый класс. Мы только тем летом переехали из Бедфорда в Норфолк, поэтому в четвёртый класс я пошла в новую школу и отчаянно стеснялась. Я почти ни с кем не разговаривала и не поднимала глаз от ног и покрытого линолеумом пола. Каким-то чудом учительница что-то во мне заметила и предложила мне написать тест для одарённых детей. Мои результаты были достаточно высокими, чтобы попасть в программу для одарённых, и внезапно всё изменилось. Мне давали читать книги для девятиклассников. Контрольные по математике приходили с огромными, жирными, написанными красным маркером пятерками. Я чувствовала себя так, как будто меня укусил радиоактивный паук и наделил меня, будто сверхспособностью, смелостью. Когда со мной разговаривали, я начала поднимать взгляд от пола на лица людей, потому что впервые в жизни чувствовала, что могу стоить внимания.

Четвёртый класс обещал стать лучшим годом моей жизни. Я обожала свою учительницу, миссис Раш – маленькую шумную женщину, которая прямо-таки летала по классу, раздавая комплименты и взъерошивая волосы учеников. В день нашей большой поездки на приливные водоёмы мне разрешили перед тем, как мы все выстроимся для посадки в автобус, пойти в туалет и переобуться в галоши. Я каждый день дома после школы изучала животных, обитающих в приливных водоёмах, и вымолила у мамы пару галош, чтобы я смогла войти прямо в воду и показать всем чему я научилась. Как эксперт. Одарённый ребёнок.

Но когда я вернулась в класс, там было пусто. Класс уехал без меня. Продав тридцать минут в надежде, что они осознают ошибку, я пошла в приёмную. Там, на неудобном пластиковом стуле, я и просидела остаток дня. Пытаясь – безуспешно – не зареветь. Много часов от слёз у меня болело горло.

Миссис Раш в конце концов появилась в приёмной, ближе к концу дня. Она прошла прямо к секретарше и сказала: «Я пересчитала детей и вы правы, у меня всего тридцать один. Но я всю голову сломала и ну никак не могу вспомнить, кого забыла».

Её слова разбили мне сердце вдребезги. Миссис Раш, моя любимая учительница – та самая, которая, как мне казалось, действительно видит меня и замечает, что я особенная – не могла вспомнить о моём существовании. Секретарша кивнула в мой адрес и прошептала: «Джессика Миллер ждёт тут весь день». Миссис Раш развернулась и закрыла лицо руками. «Ну конечно. Джессика М. В классе так много Джессик. Мне очень жаль».

Я позволила ей обнять меня и взъерошить мне волосы, но никогда этого не забыла. Никогда не простила её. А больше всего – никогда не отпустила себе грех столь крайней непримечательности.

Именно это воспоминание о приливных водоёмах и преследовало меня в день, когда я переезжала в колледж на первом курсе. Переезд должен был быть огромным, волнующим моментом, обозначающим переход из детства во взрослую жизнь. Но всё, о чём я могла думать, был пустой класс и радостное возбуждение, переходящее в неверие, а потом в боль. В моём животе трепетали бабочки, но в горле стоял неприятный комок.

Чего я так боялась?

Поездка на машине из Норфолка в Уинстон-Салем, длиной в четыре с половиной часа, казалась длилась не меньше недели, благодаря желанию моего папы выключить радио и трепаться с невероятной скоростью. Сначала про колледж, а потом про всё подряд, что приходило ему в голову. Это было что-то новое, к чему я всё никак не могла привыкнуть: версия моего отца, которая принимала участие. Да хотя бы вообще говорила. Когда я была помладше, я бы что угодно отдала за разговор с ним, за то, что он проявит ко мне интерес. Но сейчас, после

всех наших взлётов и падений, это просто казалось мне неправильным, как будто в теле моего отца поселился самозванец. Энергичность, с которой он показывал на что-то за окном и вертелся на сиденье, чтобы задавать мне вопросы, была излишней. Ненадёжной. Не может быть, чтобы этот взлёт продлился долго.

К тому времени, как мы наконец-то проехали центр Уинстон-Салема и выехали на окраину, где, как тайна, был спрятан университет Дюкет, костяшки крепко сжимавших руль пальцев моей мамы побелели. Она уже пару часов как перестала пытаться включить радио и молча вела машину, позволяя отцу болтать и болтать.

Мы свернули налево – и вот наконец она: гигантская каменная арка, отмечающая вход в Дюкет. Точь-в-точь как в брошюрах. Бабочки били крыльями. Я, у себя на заднем сидении, схватилась за живот.

– Ну, это оставляет величественное впечатление, да? – Одобрительно сказал мой папа. Даже мама отвлеклась от дороги, чтобы одарить меня впечатлённым взглядом. Мы медленно проехали под аркой и двинулись к кампусу. Дюкет был более чем величественным. Башня Блэквел, где находился кабинет ректора, была построена по образу собора Парижской богородицы: один устремившийся в небо смертельным копьём пик, выступающие, будто паучьи лапки, по сторонам контрфорсы. В цветущем величии позднего августа растущие повсюду ряды лагерь-стремий заливали пространство океаном ярко-алого, прерываемого только сучковатыми магнолиями, раскинувшими руки, засыпанные задержавшимися в конце сезона белыми цветами. Алое и белое. Кровь и душа, как девиз Дюкета: «*Mutantur nos et vos, corpus et animam meam*». «Мы тебя изменим, тело и душу».

Я была готова к изменениям.

Я подвинулась, чтобы мне не мешала смотреть трещина на лобовом стекле – след от папиного инцидента. Прошло уже несколько месяцев, но денег на то, чтобы заменить стекло, у нас не было, так что все мы научились наклоняться немножечко влево.

– Вот он, – выдохнула я. – Ист-Хауз.

Хоть Башня Блэквел и Обсерватория Дюпона и были самыми знаменитыми зданиями кампуса, я по уши влюбилась в Ист-Хауз. Это было скромных размеров общежитие, почти полностью, снизу доверху, увитое густым зелёным плющом. Это было одно из шести зданий, в которых селили первокурсников, но только оно походило на замок из сказки, или дом из «Таинственного сада». Над входной дверью были выбиты в камне слова «На востоке всходит солнце».

Это красивое здание – и весь величественный кампус – были теперь моей жизнью. Я заслужила Дюкет, меня выбрали из тысяч абитуриентов шестнадцатого в списке журнала «*U.S. News & World Report*» колледжа в стране. Может быть, это и не то, о чём я мечтала изначально, или чего ожидал мой отец – это был не Гарвард – но это могло стать началом чего-то прекрасного. Новой жизни. Я могла стать новым человеком, с сегодняшнего дня.

Только когда мама припарковалась, я заметила, что нас окружила небольшая толпа. Комок в горле вернулся.

– Ну, – сказал папа, расстёгивая ремень безопасности, – кажется, приехали. Давай посмотрим насколько эта пародия на «Кримсон Кампус» похожа на оригинал. – Он потянулся к двери.

– Подожди... – Я могла думать только о том, что он, несмотря на уговоры, надел рубашку выпускника Гарварда. Впервые в жизни её вид вызвал во мне не вожделение, а стыд. Что все эти люди – все эти студенты Дюкета – подумают? Конечно же они поймут какое сообщение посылает мой отец – теперь уже не мне одной, а всем им.

Мама, как всегда тонко чувствующая конфликт, резко посмотрела на меня.

– Что случилось?

Я посмотрела на них. Мои родители. Оба здесь, хотя ни тот, ни другая по очень разным причинам не хотели сюда ехать. Пройдёт всего два дня – и они отправятся обратно в Норфолк, заниматься черт знает чем в их пустом доме. Я потерплю.

– Ничего, – сказала я, откидываясь на сидении. – Давайте начнём с багажника.

* * *

В конце концов родители уехали раньше, чем планировали, но мама успела пустить слезу во время экскурсии по кампусу: это так дорого, неужели я не понимаю во что ввязалась – а папа объявил, что кампус красивый, но Кэмбридж впечатляет намного больше. И кстати вот ещё мысль: что если подождать семестр, а потом ещё раз подать документы в Гарвард для перевода? Не придётся даже никому рассказывать, что я провела семестр в Северной Каролине.

После всего этого, и после тяжёлой работы по размещению всего моего скраба в маленькой комнатухе общежития, я думала, что попрощаюсь с ними с облегчением. Но оставшись в одиночестве, я разревелась, как младенец. Поскольку теперь у меня была соседка по комнате – а Рэйчел была такой жутковато молчаливой и одаривала меня тревожными взглядами, стоило мне хотя бы слишком громко вздохнуть – мне пришлось прятать свои всхлипывания под одеялом.

Колледж не был похож на мои ожидания. Казалось, что все остальные первокурсники мгновенно стали лучшими друзьями. Они получали от жизни максимум удовольствия. Вечерами я шла по коридорам с опущенной головой, прислушиваясь к разговорам о ночных вечеринках и таких ужасных похмельях, что пришлось пропустить пару в восемь утра. Мне казалось, что мне снова девять лет, я захожу в класс и никого там не обнаруживаю. Я была как будто невидимкой. Ничего не изменилось.

Как-то ночью я проснулась в три часа утра и пошла в туалет, по пути наткнувшись на двух возвращавшихся в свою комнату девочек; они пошатывались на ходу и рыдали от смеха. Они были явно пьяны, но они были такими гламурными, в мини-юбках и с яркой губной помадой. Я и раньше их замечала. Обе были блондинками, и одна из них была самой красивой девушкой, какую мне когда-либо доводилось видеть. Её волосы были такими лоснящимися. С тех пор как я в первый раз её заметила, я целыми ночами размышляла, каким же шампунем она пользуется, или же это просто генетика. Это было странное чувство, похожее на влюблённость: издали восхищаться ею так остро.

Вторую девушку можно было бы назвать хорошенькой только от большой щедрости, но, что намного важнее – она чувствовала себя очень комфортно в своём теле. Она смотрела людям в глаза, говорила громко и вела себя так, будто вселенная вертится вокруг неё. Что, судя по тому, как в её руку вцепилась красавица, возможно, так и было. Я смотрела на них вместе и боль внутри меня всё заострялась подобно ножу.

На следующий день была церемония кодекса чести первокурсников; на ней мы должны были подписать свои имена под контрактом, обещая не заниматься плагиатом. Все на нашем этаже, даже моя соседка, обычно рта не открывавшая, жаловались, что не хотят идти. Необходимость надевать каблуки и нарядные платья и впрямь раздражала, но втайне я была благодарна за возможность заниматься чем-то в окружении всего первого курса, будто бы все мы тут одинаково на своём месте. Идти толпой от общежитий до лужайки Элиота было приятно.

Когда мы возвращались с церемонии, на летнее небо начали спускаться первые сумерки. Кто-то налетел на мой локоть и я повернулась, извиняясь.

– Привет, – сказала девочка; её тёмные глаза загорелись. – Ты в моём общежитии, да? Ист-Хауз, четвёртый этаж?

– Да. – Я почти протянула руку для рукопожатия, но потом передумала. Слишком формально. Слишком странно. – Джессика Миллер.

– Кэролин Родригез. – Она встряхнула своими длинными каштановыми волосами, которые, как я заметила, были почти такими же лоснящимися, как у загадочной блондинки. – Ты живёшь с той немой девушкой, да?

Смешок выскочил, не дав себя остановить.

– Она на самом деле не немая, но да. Рэйчел. Она почти никогда не говорит. И не выходит из комнаты.

Кэролин закатила глаза.

– Какой кошмар. У меня тоже соседка – жуткий ботаник. Если встретишь её, не говори, что я так сказала. Её в буквальном смысле зовут Юстиция. Понятия не имею, как алгоритм Дюкета решил, что мы друг другу подходим.

– Алгоритм на самом деле довольно простой. – Мне нравилось идти рядом с Кэролин и хотелось растянуть эту дорогу на как можно дольше. – Я его изучала, и это просто разные значения присвоены разным ответам и всё это забито в формулу. Не очень сложно.

Кэролин остановилась:

– Ты что, разбираешься в математике? – её тон прозвучал обвиняюще.

Я тоже остановилась.

– Наверное. В смысле, я не гений или типа того. Просто разбираюсь. В смысле, может быть разбираюсь. Как все.

Правда заключалась в том, что я занималась математикой в колледже рядом с домом, в надежде создать резюме, по которому меня, как когда-то моего отца, примут в экономическую программу Гарварда. Но инстинкт подсказал мне не делиться этой информацией с Кэролин из страха, что она перестанет со мной разговаривать.

– Ну, даже с моей соседкой, я рада, что меня поселили в Ист-Хаузе, а не в Донахю или в Чапмен-Холле, – Кэролин поморщила нос. – Я слышала, что в Чапмене воруют бельё прямо из сушилки.

Она засмеялась надо моим шокированным выражением лица. Кэролин была маленькой, хорошенькой девушкой с оливковой кожей, и смеялась она всем телом. Она показала на кованые скамейки со столиками в центре лужайки. Там каждую ночь собирались группы студентов, общались и курили травку; запах можно было почувствовать, если открыть окно, даже из общежития.

– Хочешь посидеть отдохнуть? Я не особо спешу вернуться к Юстиции. Она говорит, что хочет дать мне клингонское имя, чтобы мы были клингонскими сёстрами-воинами, что бы это ни значило.

– Ты не знаешь «Стар Трек»?

Кэролин посмотрела на меня непонимающим взглядом.

– Сериал?

Мы подошли к столику и сели на скамейку, ещё тёплую от целого дня на солнце. Остальные первокурсники, проходя мимо, заинтересованно косились на нас. Я постаралась представить себе что они видели: две симпатичных девушки в открытых платьях, может быть, лучшие подруги, ждут, пока придут остальные наши друзья. Я выпрямилась и расправила подол.

– Я тебе покажусь странной, – сказала Кэролин, – но мои родители не разрешали мне смотреть телевизор и кино, когда я росла. – Она протянула руку к тонкому золотому крестик у неё на груди и повертела его в пальцах. – Наш пастор сказал, что они дурно влияют. Это, конечно, не мешало маме целыми днями смотреть мыльные оперы. Страдала я одна. Честное слово, как только мои родители уехали из Дюкета, я в первую же ночь посмотрела разом весь первый сезон «Бухты Доусона». Проглотила за один раз. В двенадцать лет я до смерти хотела посмотреть этот сериал.

– И? Твой вердикт?

– Не стоит шести лет вождения. – Мы засмеялись. Потом что-то привлекло её внимание, и она замахала рукой кому-то у меня за спиной. – Хезер! Мы тут!

Я развернулась, стараясь сохранять нейтральное выражение лица, чтобы никому не показать разочарования, что Кэролин уже отвлеклась на кого-то другого. Потом я увидела, кому она махала. По газону в нашу сторону шла та уверенная блондинка с моего этажа.

– Каро! Вот ведь скукотища, а? Одному Богу известно, почему нам пришлось подписывать это лично, а не по электронной почте, как, собственно, и положено в двадцать первом веке. – Вблизи я могла разглядеть лёгкую россыпь веснушек на лице девушки, и я заметила, что её лоб был на несколько размеров великоват. Именно это разрушало симметрию лица и не давало ей выглядеть по-настоящему хорошенькой. Но её тёмно-синее платье было из плотного материала и превосходно сшито. Оно прямо кричало о больших деньгах. Мне хотелось протянуть руку и потрогать его.

Девушка повернулась ко мне и протянула руку. «Я тебя пока не знаю. Я Хезер Шелби».

– Джессика Миллер. – Её рукопожатие было очень твёрдым.

– Откуда ты знаешь Каро?

«Каро». Имя слетало с её губ с лёгкостью близкого друга.

– Мы только познакомились. Мы живём в одном общежитии.

Хезер моргнула. Потом она удивила меня тем, что упала на скамейку.

– Чёрт. Это значит, что ты тоже в Ист-Хаузе.

Я кивнула и изо всех сил постаралась не расстраиваться, что Хезер сотню раз проходила мимо меня в коридоре, но так и не заметила. «Это всё потому что ты ничем не выделяешься», – говорил предательский голосок.

– А-а-а-а, – сказала Хезер как будто что-то вспомнила. – Стой, так ты соседка этой, типа, монашки, которая взяла обет молчания, да?

Как это Рэйчел произвела большее впечатление чем я?

Каро наклонилась к нам, и мы с Хезер инстинктивно потянулись к ней.

– Не оглядывайтесь, – прошептала она, – но тут тот парень из нашего общежития, который прямо олицетворение всего, о чём меня предупреждала мама, и он сейчас идёт мимо. Я же сказала, не смотрите, – прошипела она, когда мы с Хезер обе обернулись.

Легко было понять о ком она говорит. В море юбок и пиджаков он был единственным не одетым нарядно. Вместо пиджака на нём были чёрные ботинки и футболка с растянутым воротником, а на руке у него, наполовину спрятанная под рукавом рубашки, была татуировка. Он был высоким и худощавым, с такой густой копной чёрных волос, что от них он казался ещё выше. В его лице – в очертаниях его подбородка, в его полных губах – было что-то такое. Я задрожала.

– Моя мама упала бы в обморок от одного его вида, – сказала Каро.

Будто почувствовав, что мы пялимся на него, парень резко развернулся и остановился на мне взглядом. У меня пересохло во рту. Его глаза были светлого цвета, хотя оттенок издали было не разобрать. Его губы сложились в улыбку.

– Он красавчик, – сказала Хезер с опасно нормальной громкостью. – Из тех, с которым «только один раз, чтобы закрыть гештальт». Я перешла на хороших мальчиков. Но каждая девушка должна через это пройти. Ритуал взросления.

– Я сошла с ума или он идёт сюда? – прошептала я. Моё сердце отчаянно билось.

– Он определённо подходит ближе, – подтвердила Каро.

Парень подошёл и остановился, поставив ногу в чёрном ботинке на скамейку.

– Привет, – сказал он, поворачиваясь немножко, чтобы включить в разговор Каро и Хезер. Как только его взгляд сместился с моего лица, я испытала прилив облегчения вперемешку с разочарованием.

– А вы чувствуете себя честными и порядочными после всех этих клятв и всего такого?

– Не особенно, – сказала Хезер.

– Прекрасно. – Он упал на скамейку напротив нас и достал что-то из кармана. – В таком случае, хотите закурить?

Он протянул нам косяк.

Я чуть не упала со скамейки.

– Прямо у всех на виду?

Он усмехнулся мне и я внезапно почувствовала, что он за этим сюда и пришёл: чтобы заставить меня с ним заговорить. Я допустила ошибку: посмотрела в его глаза. Теперь мне было видно, что они были зелёные, как летняя трава.

– Что, предпочитаете не рисковать? – Он всё ещё ухмылялся с таким видом, будто отвечал на какой-то второй, тайный разговор, за которым я пока не могла следить.

– Я рискну, – сказала Хезер. – Если травка хорошая. Никакого старья, жизнь слишком коротка.

– Мне не надо, – сказала Каро, вертя в пальцах крестик.

Парень сунул косяк в рот, достал зажигалку, зажёл, затянулся. Без малейшего усилия. Он запустил руку в волосы, и волосы так и оставались растопыренными во все стороны долго после того, как он опустил руку на стол. Он затянулся ещё раз и протянул косяк мне.

Я еле заметным движением покачала головой. Он улыбнулся маленькой понимающей улыбкой и протянул косяк Хезер; та немедленно взяла.

Его глаза снова нашли меня.

– Брендон Купер. Ист-Хауз, третий этаж.

– Джессика Миллер. – Я вытерла потные руки о платье. – На четвёртом.

– Я знаю. – Он сунул руку в карман в поисках чего-то. Когда он достал руку из кармана, между пальцев он держал маленький листочек бумаги.

– Я принёс это тебе.

Это было листик из печенья с пожеланиями. Я взяла его и ошеломлённо уставилась на него.

– Что? Почему?

– Я видел тебя раньше. Мне выпало это, и я подумал о тебе. Собирался приклеить его к твоей двери, но вот ты тут.

Моё недоумение было прервано громким голосом с другого конца лужайки.

– Куп, чувак, ты опять куришь посреди двора?

Все четверо синхронно, как заводные игрушки, повернулись. В нашу сторону шли три парня; главный из них шёл посередине и улыбался, как будто услышал самую смешную шутку в мире.

Было трудно не раскрыть рот от изумления. Все три парня были привлекательными, но лидер в центре был наверняка самым красивым юношей в моей жизни. Он был золотым – по-другому не описать. Его кожа отливала светлым золотом, волосы тёмным золотом, а глаза были кристально-голубыми, ошеломляющими. Зубы у него были белыми и превосходно прямыми – нереальные зубы, у людей таких не бывает. Он был одет в тёмно-синий костюм с вышитым гербом и такие же тёмно-синие брюки.

Каро наклонилась ко мне и прошептала.

– Кажется, мы только что упали в каталог мужской одежды.

Три юноши остановились перед нами, широко доброжелательно улыбаясь.

– У тебя стальные яйца, Купер, – сказал огромный парень, стоявший слева от принца. У него была бритая голова и бронзовая кожа, он был высоким и огромным, с мускулистыми плечами и грудью; он был втиснут в чересчур тесный пиджак. Он держался в скованной манере, которая выдавала в нём спортсмена. Высказавшись, он глянул на принца в поисках одобрения.

Куп пожал плечами.

– Если меня выгонят, одним счётом меньше. – Он забрал у Хезер косяк и протянул парням. – Интересно?

Во мне поднялась паника. Я никогда раньше не слышала как кто-то тут говорил вслух о деньгах – как будто деньги были просто частью жизни. Как будто не было ничего стыдного, как будто ты не демонстрируешь всем, что ты – маленький, никому не нужный человек. Я почувствовала внезапный иррациональный ужас, что они повернутся сейчас ко мне и спросят меня о счетах моей семьи.

– Смеёшься? – Большой парень скрестил руки на груди и покачал головой. – Я в футбольной команде. Папа меня убьёт если узнает, что я стоял с тобой рядом.

– Кстати, – сказал Куп, хитро ухмыляясь за косяком, – Я слышал как твой отец кричал на тебя во время заселения. Он жутко заинтересован в твоей футбольной карьере. Я боюсь, он может прийти к тебе среди ночи, отрезать тебе лицо и ходить по кампусу, притворяться, что он – ты.

– Иди нахуй.

– Дай сюда, – сказал принц, показав на косяк. – Соседи должны подниматься и падать вместе. – Он упал рядом с Купом и взял косяк, повернув голову к небу.

– Меня зовут Джек Кэррол, – вежливо сказал третий парень, протянув руку. Если при виде Купа мама Каро потянулась бы к святой воде, то Джека она самолично купила бы. Волосы его были аккуратно зачёсаны на бок, пиджак тщательно отглажен, галстук прямой, как стрела. Он выглядел как восемнадцатилетний мистер Роджерс.

Мы все по очереди пожали Джеку руку, и он аккуратно сел на лавочку, осторожно отряхивая штаны.

– Джек – игл-скаут, – сказал принц. – Если по его виду не понятно.

– А Минт – наследник риэлтерской империи, – отозвался Джек, ослабляя одной рукой галстук. – Если по его самоуверенности не понятно.

– Марк Минтер, – сказал принц, выпустив колечко дыма. Он кивнул в направлении большого парня. – А это Францис Кекоа, новейшая футбольная звезда Дюкета. Гордость Оаху, если верить его папе.

– Фрэнки, – быстро сказал тот, тяжело усаживаясь на скамейку рядом с Минтом. – Францисом меня не зовёт никто, кроме мамы.

– Но мне Фрэнки позволяет. – Минт глубоко затынулся, а потом передал косяк Купу. – Потому что он меня любит.

Фрэнки закатил глаза, а потом кивнул в сторону Каро.

– Мне нравится твой крестик. У меня тоже такой есть. – Он сунул руку под воротник рубашки и достал золотую цепочку с тяжёлым крестом. – Нам, католикам, надо быть заметнее.

– Только потому что я из Колумбии не значит, что я католичка, – резко отозвалась Каро, выпуская из пальцев крестик и складывая руки на груди. – Я пресвитерианка.

Куп рассмеялся и закашлялся дымом.

– Ай да Фрэнки.

– Извини, – сказал Фрэнки. – Я обрадовался, что будет с кем разделить свою католическую совесть.

– А откуда в Колумбии? – Спросил Минт Каро.

– У меня родственники в Боготе. – Это слово, с громким ударением в конце, звонко скатилось с её языка. – Мы с родителями – из Майями.

Он кивнул.

– Я много бывал в Колумбии. Теперь многие проводят лето в Картахене.

– Проводят лето. – В устах Купа это прозвучало как ругательство.

– Если мы тут проходимся по семьям и религиям, – сказал Джек, – то вот мои родители сейчас находятся на том весёлом этапе увлечения южным баптизмом, когда они перестали

быть людьми и превратились в библии на ножках. Так что показывать им кампус и выйти на греческую аллею было весело. – Он взял косяк и прищурился, глядя на Минта. – Дай угадаю: методисты. Все богатенькие обычно оттуда.

Минт усмехнулся.

– Единственная религия, которой следуют мои родители – это деньги.

Мы засмеялись. Сумерки сгустились, солнце стало оранжево-красным и спряталось за ветки деревьев. Мою кожу поцеловал тёплый ветерок. Я представила, как он летает вокруг нашего стола, трогает нас, сближает.

– А ты, Куп? – спросил Минт. – Мы с тобой семьёй ещё не обсуждали.

Куп опустил взгляд на стол.

– Моя семья – это один человек. И она атеист. Мы не верим в веру.

Фрэнки усмехнулся.

– Жёстко. – Он кивнул Хезер. – А ты что?

Когда все воззрились на неё, Хезер улыбнулась, как кошка, сожравшая канарейку.

– Мои родители почитают только одного истинного бога, – она говорила медленно, наслаждаясь нашим вниманием. – Меня. – Она остановилась взглядом на Джеке. – Вам тоже рекомендую.

Джек густо покраснел, а остальные за столом залились восхищённым смехом. Фрэнки с Минтом изумлённо переглянулись, а потом Минт неожиданно развернулся и через стол улыбнулся мне. Я шумно вдохнула. Самый красивый юноша в мире сидит в футе от меня и улыбается со мной общей шутке. Чудесность происходящего что-то со мной делала. Мою кровь наполнила уверенность.

– Вот это я понимаю стальные яйца, – сказала я и весь стол, включая Хезер, затрясся от смеха. Минт оценивающе посмотрел на меня. Я уже попала в зависимость. Это всё, чего я хотела: заставлять смеяться этих людей и чтобы Минт, с его сияющей в закатном свете кожей, смотрел на меня вот так.

– Твоя очередь, – Каро ткнула в меня локтем. – Как выросла ты?

Моя улыбка померкла. Мои родители не были религиозными, но оба чему-то поклонялись. Жизнь моего отца была алтарём, построенным во имя всего, что мне тяжело давалось. Он никогда не говорил этого вслух, но я знала, что он верил, что если ты не можешь быть лучшим, быть победителем, то жизнь не стоит того, чтобы её жить, и надо искать способ сбежать. Когда жизнь начала разочаровывать его, он нашёл очень эффективный способ. Моя мама, с другой стороны, была простым человеком. Она посвятила себя всему, что папа считал недостойным нашего внимания. Она обожает гнездование, как говорит он. Постоянное напряжение.

Как я могла всё это объяснить?

Я прочистила горло.

– А почему мы тратим вечер пятницы на разговоры о религии, будто ботаны с факультета теологии? Я вот что хочу узнать: что мы делаем сегодня?

– О да. – Фрэнки ударил рукой по столу. – У «Фи Дельтов» вечеринка «Всё-кроме-одежды». – Он показал на себя, Джека и Минта. – Нас пригласил один из братьев.

Стол взорвался горячим обсуждением того, как сделать одежду из мусорных пакетов и за сколько до начала вечеринки можно начинать пить. Я откинулась на спинку скамейки и наблюдала. Повсюду вокруг в воздухе летали бабочки – искорки света: появилась и пропала. От лёгкого ветерка покачивались ветки деревьев и поднимались травинки в ритм какой-то тайной мелодии. Я чувствовала, как эта мелодия сплетается и тихонько звучит вокруг нас, лужайки, деревьев и прекрасного заходящего солнца. Связывает нас вместе.

Это была магия. Каждый из них был земной звездой, притягивающей меня силой своей гравитации. Я принадлежала им. В тот момент я полностью отдала себя им. Я поклонялась им. Я умирала и заново возрождалась, прямо там, среди травы, в центре лужайки.

На следующий день, проснувшись в кровати с прилипшим к ногам платьем из мусорного пакета, я наконец развернула листочек Купа. Несколько странных слов: «Сегодня начнётся что-то, что никогда не закончится».

Я приклеила предсказание к двери. Я думала, что знаю что оно значит. Но я была молода и так наивна. Я даже не представляла что ждало нас впереди, за ближайшим углом.

Глава 4

Сейчас

Ночной Дюкет был царством тьмы, освещаемым старомодными лампами, свет от которых сиял круглыми, похожими на нимбы с византийских картин пятнами. Идя под грандиозными сводами из белого мрамора, на которых было выбито обещание школы: «Мы изменим тебя, тело и душу», я думала о том, как этот мрамор впечатлил – в первый и последний его визит в наш колледж – даже моего отца.

Когда я перешла на другую сторону, воздух изменился. Я слышала, как издалека доносится музыка и шум голосов. Я пошла по тропинке, вслушиваясь в него сквозь звонкий стук моих каблучков и глухое биение сердца.

Мой самолёт опоздал, и у меня едва хватило времени на то, чтобы добежать до своей комнаты отеля – это дало мне превосходный повод отказаться от приглашения Каро подготовиться вместе. Я знала, что увидеть её придётся – избежать этого невозможно, она всё-таки моя лучшая подруга. Но сегодня я буду общаться с максимальным числом народу, танцевать, перелетать от группы к группе. У меня был план с множеством целей.

Передо мной, в самом центре лужайки Элиота, развернулся белый шатёр. Отсюда я уже могла их видеть: сотни моих однокурсников в нарядной одежде; шатёр весь кишел тёмными пиджаками и чёрными коктейльными платьями. Музыка играл струнный квартет в углу шатра. Я глубоко вдохнула, поправила платье на бёдрах и вошла.

Сначала меня, на моём пути к бару, никто не заметил. Но потом первый человек повернулся, заметив глубокий вырез моего декольте, изящные белоснежные лямки на моих плечах и прямые линии моей спины. На это платье я потратила два месяца денег на квартиру, но оно того стоило. За первым человеком повернулся ещё, и ещё, и теперь все смотрела ни меня – девушку в белом, плывущую через море черноты. Они шептались и разглядывали меня с головы до ног. Но мне было не важно о чём они шептались – главное, что обсуждали меня. К тому времени, как я наконец дошла до бара, у меня кружилась голова и тряслись руки от адреналина.

Всё-таки сработало!

Не успела я поднять ко рту стакан вина, возле меня материализовалась Каро.

– Джессика!

Я чуть не пролила вино на платье.

– Боже мой!

Она обернулась вокруг меня, крепко обнимая. Как она меня так быстро нашла? Похоже, платье превратило меня практически в маяк.

Она отстранилась и принялась разглядывать меня на расстоянии вытянутой руки.

– Ты только посмотри. Мне ужасно нравится. Ты прям какой-то ангельский секс-символ! – Она по привычке потянулась к шее, хотя уже десять лет его не носит.

Каро. Мой самый верный друг. Друг, который ни разу меня не покинул, который любит меня так же сильно сейчас как и в день нашего выпуска. Чувство вины чуть не накрыло меня с головой.

– Я так рада тебя видеть, – сказала я, проглотив эмоции. – Ты выглядишь, как всегда, великолепно.

Она не выглядела ни на день старше, чем в день нашей встречи. Как и все тут, она была одета в изящное чёрное платье, но поскольку она – сама изящная красавица Каро, на ней оно смотрелось лучше всех. Тот факт, что она такая же, как всегда, сделал ещё заметнее единственное отличие: блестящее бриллиантовое кольцо у неё на пальце. Я поспешно перевела взгляд на толпу.

– Кто пришёл?

– Все до единого, – мечтательно сказала она.

«Но не Хезер», – прошептал голосок у меня в голове, но я его прервала. От привычки искать лицо Хезер в толпе я благополучно избавилась много лет назад. Не возвращаться же к ней сейчас.

– Я очень рада, что пришло столько народу, – сказала Каро. – Весь этот уикенд идёт по плану Эрика, представляешь?

Я замерла.

– Эрика?

– Эрика Шелби. Помнишь его? Он теперь работает в Дюкете. Мы с ним вместе были в комитете по планированию встречи выпускников. – Я смутно помнила что-то про то, что Каро вызвалась разослать напоминания выпуску 2009 года. Наверное, это было в одной из её СМСок, а половину из них я удаляла, не открывая вовсе, из страха, что она сообщает мне, что они с Купом ждут ребёнка или что уже втайне поженились. – Эрик вырос в такую душку! – Прежде чем я успела что-то сказать, Каро схватила меня за руку и потянула. – Пойдём, найдём всех остальных.

Нет, нет-нет-нет!

Я не сдвинулась с места.

– Это что, Элизабет Барли и Ванесса Рид? – Я помахала рукой, изображая восторг при виде девушек, стоявших неподалёку. Это вроде бы сработало: они подошли к нам.

– О господи, – восторженно заворковала Элизабет, обнимая меня. – Ты теперь блондинка? В колледже ты так никогда не одевалась. Ты такая хорошенькая!

– Спасибо. – Я обняла её в ответ, смакуя её слова и сохраняя их в памяти. Элизабет и Ванесса принадлежат к женскому клубу чуть ниже нашего с Каро по социальной лестнице «Дюкета». Предполагалось, что следует себя вести так, будто ты о таких вещах понятия не имеешь. Но даже сейчас, десять лет спустя, я почувствовала, как мы занимаем свои старые места, подчиняясь сложившемуся порядку.

– Ты же работаешь консультантом в Нью-Йорке? Честное слово, год назад мне кузина прислала газету о светском обществе, и там писали про тебя. Ты встречалась с каким-то большим человеком. – Ванесса говорила буднично, но я слышала в её голосе нотку зависти; признание, что у меня есть что-то, чего нет у неё. – Ты прям преуспела!

Я приосанилась.

– Ты слишком добра. Да, я – партнёр в «Колдвеле».

– Самая молодая женщина-партнёр в истории Нью-Йоркского отделения! – Услужливо вмешалась Каро, и Ванесса с Элизабет заохали.

Это был мой апофеоз. Всё шло в точности по плану.

– И Каро! – Сказала Элизабет, отворачиваясь от меня. – Покажи кольцо!

У меня упало сердце. Каро рассмеялась, подняла руку и помахала пальцами.

– Такое красивое, – сказала Ванесса, разглядывая бриллиант. – До сих пор не могу поверить, что ты выходишь замуж не за кого-то, а за Брендона Купера. Я была готова биться об заклад, что он никогда не женится.

– Точно! – Согласилась Элизабет. – В него были влюблены все девчонки до единой. Потому что у него вид такого дурного мальчишки, да? Он был прям Джеймс Дин. С этой его косухой и на мотоцикле.

– Джеймс Дин? – Заверещала Ванесса. – Тебе сколько лет, под сотню?

Элизабет засмеялась.

– Я только знаю, что ты была от него без ума. Всё время ходили слухи, что он встречается с миллионом девчонок, но его никогда ни с кем не видели. Ты счастливица, Кэролин!

– На самом деле, – Ванесса опустила голос. – Думаю, эти слухи появились из-за того, что он делал, помните? Он всё время ходил по чужим комнатам, потому что продавал...

– Ага, – быстро сказала я, глядя, как мрачнеет Каро. – А помните ту девчонку с секс-ролика, который всем разослали? Как она сейчас поживает?

Каро уставилась на меня широкими от недоумения глазами. Я снова отогнала от себя чувство вины, довольная тем, что удалось увести разговор в сторону.

Ванесса выглядела растерянной.

– Та, на год младше нас, которая перевелась? Кажется, она работает воспитательни...

– О господи, – воскликнула Элизабет, заметив кого-то на другой стороне комнаты. – Смотрите, это же Кортни Кеннеди.

Не знаю, по естественному ли побуждению или повинувшись силе её имени, но все мы обернулись следом за взглядом Элизабет. И, конечно, вот она была: в углу шатра, в окружении других девушек из «Чи О». Увидеть её наяву после стольких лет было как встретить на улице знаменитость – немножко шокирующе.

Кортни была одета в обтягивающее платье кроваво-красного цвета, на лице её были тёмные тени и яркая помада. Память вернулась назад, на первый курс, до того, как у меня появились друзья. Я стояла и смотрела, как она, пошатываясь, идёт в свою комнату, крепко вцепившись в руку Хезер и закатываясь со смеху. Самая красивая девушка в мире – и сейчас тоже. Всегда королева бала.

– Кортни Минтер, – поправила Ванесса, а потом резко спросила: «Что?» когда Элизабет ткнула её локтем под рёбра. Поняв в чём дело, Ванесса в ужасе уставилась на меня. – О господи, извини, пожалуйста! Я отвлеклась. Тебе, наверное, так стрёмно!

Волна эмоций: болью при виде всё такой же идеальной Кортни, яростью от того, что такая приятная зависть Ванессы и Элизабет быстро превращалась в жалость. Я залпом допила вино.

– Не извиняйся. Мы с Минтом расстались много лет назад. Серьёзно. Я уже забыла.

Мгновение все молчали, а потом Элизабет быстро заговорила.

– Он просто такой идеальный, а вы встречались все годы учёбы. Вы были прям главной парой Дюкета. Вы вместе так воодушевляли. Это давало всем нам надежду. Что бывают и такие необычные союзы. А теперь он с Кортни, а это просто так... предсказуемо.

У меня упало сердце. Давало всем надежду?

Я почувствовала, как меня переполняет ярость, желание выбить из руки Элизабет её стакан водки с тоником.

– На самом деле Джесс и Кортни – близкие друзья, – громко нараспев сказала Каро и взяла меня под руку. – Собственно, мы сейчас собираемся пойти с ней поговорить. Хорошего вечера! – Она быстро ушла, утягивая меня за собой.

Комментарий Элизабет напомнил мне старшую школу. Восьмой класс, когда все мы сходили с ума по рейтингам: делали списки учителей, фильмов, спортивных команд, а мальчики имели наглость делать списки девочек. День за днём мы подслушивали их шёпот: кто самая красивая? За ланчем мы рассуждали, публично озвучивая поддержку каждой девочки, а втайне делая собственные язвительные подсчёты. Я знала, что первого места не займу, хоть и очень хотела. В четырнадцать я уже знала, что редко удаётся получить сокровенно желаемое. Но я думала, что буду в числе первых пяти, может быть первых трёх. Ну да, я высокая, что тогда ещё не считалось достоинством, но оглядывая и оценивая одноклассниц, я была уверена: я тут – одна из самых красивых девочек.

Список пошёл по рукам ближе к концу уроков биологии, когда бедная миссис Сайкис была занята бессмысленным трудом обучения нас принципам митоза клетки. Майкл, лидер мальчишек, подсунул Мэдисон маленький сложенный листочек бумаги. Мэдисон сделала вид, что ей всё равно, но в конце концов посмотрела. На её лице растянулась широкая улыбка, а моё сердце глухо ударило о рёбра. Она – номер один. Я подозревала, что это может быть она: Мэдисон и её дурацкие похаживания на штопор кудряшки. Очевидно, несмотря на все мои разговоры о том, что меня устроит второе или третье место, я всё ещё надеялась.

Список стал ходить по столам и наконец добрался до меня. Я развернула его трясущимися руками и прочитала. Мэдисон первая, Уитни вторая? Моё сердце забилося чаще. Рената третья – как это Рената? Я быстро пробежала глазами по остальному списку. Сердце ёкнуло при виде номера 12, но это была только Джессика С. Где же я? Я дошла до конца списка; номером двадцать пять была Мэрибет и её страшными, жестокими прыщами. И тут меня настигла ужасная правда. Меня не было в списке. Я не только не попала в первую тройку, я вообще не стоила упоминания.

Я была буквально никем. Просто фоновым шумом, наполнителем – и даже не замечала этого. В тот день я поклялась, что никогда больше этого не допущу.

Но комментарий Элизабет снова заставил меня почувствовать, что все четыре года учёбы в колледже я была никем и даже не замечала этого. Неужели люди правда вот так обо мне думали?

– Вот ведь тролли, – пробормотала Каро, когда мы вышли за пределы слышимости. – Акулы на охоте.

Что-то в выражении лица Каро – таком сердитом и серьёзном – пролило луч света на тёмные глубины моего разума. Я обняла её одной рукой и сжала.

– Ты и правда самый лучший друг.

– Ну вот и не забывай этого, потому что я и правда веду нас к Кортни.

– Что? Нет! – Я попыталась вырваться.

– Очень жаль, мы уже тут. Тебе это будет на пользу. Привет, Кортни! – Каро изобразила на лице широченную улыбку. Я огляделась. Мы и правда пришли сюда – в десятый круг ада, в окружение девчонок из «Чи О».

Кортни прервала разговор с девушкой возле неё и уставилась на меня в упор. На её лице расплылась самодовольная улыбка. С её невероятным соотношением объёма груди и талии и блестящими волосами она выглядела как сошедшая с полки живая кукла Барби. Которой только что выдали предел всех её мечтаний.

– Каро! И Джессика! Я так рада вас видеть. С самой свадьбы не виделись! – Она поцеловала в щёку Каро, потом меня, а я стояла, не шелохнувшись. Девушки из «Чи О» окружили нас широким кольцом.

– К вопросу о свадьбе, прости, что я рано ушла, – сказала я, стиснув зубы. – Не знаю, сказал ли тебе Минт, но я опаздывала на самолёт в Париж со своим тогдашним бойфрендом. Крис Бешер из Манхэттенских Бешеров; ты, может быть, слышала.

Кортни наклонила голову набок.

– Я слышала, что ты опять одна. Какая жалость. Париж – идеальное место для помолвки. Жаль, что у тебя не сложилось.

Каро явно отчаянно пыталась найти повод встрять в разговор, но думала она недостаточно быстро.

– Ах, – сказала я, изображая удивление. – Ты любишь Париж? А я думала, что у тебя более приземлённые вкусы. Вроде, скажем, американских сетей фастфуда. Вы же с Минтом первый раз сошлись в туалете в «Вендиз», да?

Кто-то из «Чи О» поражённо ахнул. Кортни покраснела. Это был один из моих козырей; я жалела, что использовала его так рано, но общаться с ней лично было так тяжело – ни одного изъяна, ни единой ошибки ранящих словах. Но я всё же знала несколько её грязных секретиков, включая где у них с Минтом был первый раз, по пьяни после весело проведённой ночи. Я знала, потому что Минт сам мне признался, со слезами на глазах.

Не успела Кортни открыть рот как в моём поле зрения появился кто-то ещё. Я повернулась и обнаружила причину всего.

Марк Минтер. Мужчина, выйти замуж за которого должна была не она, а я.

– Джесс. – Он, как всегда, окинул меня оценивающим взглядом. От этого взгляда мне хотелось вытянуться по стойке «смирно», в остром желании соответствовать ожиданиям. Он наклонился и положил на мою обнажённую спину холодную руку, прижимая меня к себе в объятиях. У меня по спине пробежал холодок.

– Минт, ну ты гад, что ты так долго не появлялся? – Улыбнулась ему Каро.

– Привет, мелкая. – Он сжал её в объятиях. – Я тоже рад тебя видеть. – Я смотрела как они обнимаются, пользуясь поводом внимательно его разглядеть. Он стал старше. Он по-прежнему был самым красивым юношей – мужчиной, полагаю – в комнате, но точёные черты его лица смягчились от возраста. Смотреть на него было меньшим шоком, чем на Кортни.

Нас прервал громкий низкий голос.

– Да неужели это Кэролин Родригез и Джессика Миллер? Нет, не может быть, потому что если бы это были они, они бы как пришли – тут же бросились меня искать, не в силах дожидаться встречи со своим лучшим другом Фрэнки.

Фрэнки широкими шагами подошёл к нам от бара, с двумя стаканами виски в руках. Он отдал один стакан Минту, а потом сжал Каро в медвежьих объятиях. Конечно же: где бы ни был Минт, Фрэнки никогда ни на шаг от него не отставал. Он всё ещё брил голову, как в колледже, но теперь его костюм превосходно сидел по фигуре, хоть плечи его и стали каким-то образом ещё шире. И костюмы тоже стали намного дороже.

Фрэнки отпустил Каро и обнял меня.

– Ты только посмотри на себя. Чёрт, Миллер, ну ты и красотка. Минти, ты не пожалел, что... – Фрэнки осёкся и сглотнул. Брови Кортни уползли куда-то под чёлку. – Извините, старая привычка. Ладно, вы только посмотрите какая встреча выпускников! Как же я по вам скучал!

Кто-то из «Чи О» с галёрки нашего разговора захихикал.

– Фрэнки, я обещала мужу фотографию с тобой. Он – большой фанат «Сэйнтс». Можно? – Она с наигранной скромностью опустила глаза, будто бы даже смотреть на него было большой честью.

Фрэнки сунул свой стакан Каро, а когда та его автоматически взяла, ринулся к вопрошавшей.

– Я бы ни за что не разочаровал фаната. Хочешь, запишем видео? Как зовут твоего счастливого?

Я закатила глаза и поймала взгляд Минта. Мы по привычке усмехнулись друг другу.

– Что-то мне подсказывает, что превращение в звезду «НФЛ» испортило Фрэнки характер, – сказал он.

– Правда? А я подумала: «Ух ты, Фрэнки-то совсем не изменился с колледжа!»

Минт засмеялся. Кортни взяла его под руку и зыркнула на меня.

– А что хочу знать я, – сказала Каро, – так это чем занят отец Фрэнки. Помните, как он прямо-таки жил футбольной карьерой Фрэнки? Он, наверное, на седьмом небе.

Минт картинно вздохнул.

– Вот всё что ты себе представляешь, умножь на три. Отец Фрэнки переехал с Гавайев в собственный дом с бассейном. Ездит повсюду за Фрэнки, даже за границу. Он не просто самореализуется через сына, он прямо-таки живёт жизнью Фрэнки.

– Ну, это потому что Фрэнки живёт жизнью, которую его отец всегда хотел, да? Когда он сам был футбольной звездой, до травмы? – Каро покачала головой. – Родители, да? Они бывают такими ненамеренно стрёмными.

– Всё прямо по Фрейду, – встрял мрачный голос. – Чтобы обрести свободу, надо убить своего отца. – Пауза. – Или это было у какого-то рэпера?

Я замерла. От этого голоса загорелся и ожил каждый нерв моего тела. Я медленно повернулась, сражаясь с притяжением столь же непобедимым, как гравитация. Может быть, но может же быть, что если я не посмотрю, я буду в безопасности. Безопасность – это же лучше, чем то,

что будет на том конце этого разворота: ничего, кроме него, из плоти и крови, и ничтожного расстояния между нами.

Я прекратила разворачиваться. И посмотрела.

Они все думали, что я скорбела по разрыву с Минтом. Что меня сломает вид его с Кортни. Да, Минт меня задел, но человеком, который ранил меня так глубоко, что рана эта никогда не заживёт, был не он. Лицом, которое я видела, силясь уснуть каждую ночь, было не лицо Минта. Не Минт был человеком, которого я предала так страшно, что вес этого предательства проник во всё: в мои мечты, в слова, которые я произношу, в самый ритм моих шагов; будто бы я везде шла, неся на себе эту лишнюю тяжесть. Минт не был причиной того, что я сейчас поняла, что нахожусь в длящейся десятилетия панической атаке, разворачивающейся в убийственно замедленном действии.

Нет. Этот человек стоял сейчас передо мной и непринуждённо смотрел на меня своими зелёными глазами – такими же опасными, как всегда.

Куп.

Глава 5

Октябрь, первый курс

Мы стояли в заброшенном поле за общежитиями аспирантов – около схрона, который мы считали тайным – и во все глаза смотрели на руины. Не было ни малейшего признака того, что произошло. Ничего, кроме двадцати студентов во власти молчания; даже белки замерли на деревьях, даже сухие, мёртвые листья под ногами онемели.

Оставался один день до парада встречи с выпускниками, а наша гордость и радость – наша парадная платформа – стала развалинами. Разгромлена. Мы назвали её «Коронованные особы Дюкета», что – по заверениям Кортни, игриво, а не самоуверенно – отсылало к тому факту, что Ист-Хауз уже пять лет подряд становился победителем Битвы первокурсников; она была четырнадцатифутовой копией Ист-Хауза в стиле замка, украшенного искусно переплетёнными настоящими вьюнами.

Была. Теперь вся конструкция была разрушена, как будто бы по ней кто-то прошёлся бульдозером. Финальным аккордом должен был стать маленький залп фейерверков, которые мы планировали запускать из каждой из башен; за амуницию щедро заплатили родители Минта, и сейчас фейерверки лежали в его рюкзаке, готовые к тестам. Но пушки были разрушены и висели со всех сторон платформы, будто сломанные конечности.

Мы должны были ошеломить гостей праздника до такой степени, что они вручат Ист-Хаузу шестое по счёту первое место, и тем самым закрепить своё место в истории кампуса. Я много недель работала над рисунками, направляя, кто где будет красить, от замка до каждого отдельного цветочка.

Вся наша работа превращена в ничто.

Какого чёрта тут произошло.

Я смотрела на лица друзей и видела, что в них отражается моя паника. Мы работали вместе с другими ребятами из нашего общежития, но это было наше соревнование. Наша гениальная находка, наше предводительство. Наш повод видеться каждый день под покровом ночи. За такое короткое время мы стали такими друзьями, которые меньше похожи на отдельных людей и больше – на конечности, без которых невозможно обходиться. Эта атака казалась нам личным оскорблением.

Минт, стоявший у носа платформы, бросил свой рюкзак с фейерверками. Он упал на землю с тяжёлым ударом, от которого Фрэнки, стоявший за Минтом, словно тень, отошёл подальше, опасливо на него поглядывая. Рядом со мной Каро закрыла лицо руками, пряча глаза от этого вида.

Куп подошёл поближе ко мне и тихим голосом сказал:

– Этот плот был произведением искусства.

Я опустила глаза: теперь, когда кто-то дал моей работе определение, её потеря ощущалась ещё острее.

– Это была просто картина. Неважно.

Джек поднял кусок вялой оборванной лозы и держал её на руках как ребёнка.

– Что вообще могло такое сделать? Вид такой, как будто по платформе прошлись бульдозером.

– Неправильный вопрос. Ты хотел сказать «кто» мог такое сделать. – В толпе ошалевших лиц только лицо Хезер приняло деловое выражение. Все повернулись в её сторону.

Кортни сложила руки на бёдрах так, что её тонкие локти даже под толстым пальто создавали бритвенно-острые углы.

– Мы все знаем, кто это сделал. Эти фрики из Чапмен-Холла и эти два брата-дегенерата, их предводители: Тревор Дэли и Чарльз Смит. Они так сильно хотят победить, что решили избавиться от соперников.

По толпе прошёлся согласный шёпот. Тревор и Чарльз были редкими крикунами и прославились розыгрышами, только им одним казавшимися смешными. Как, например, воровать из постирочной женское бельё и развешивать его по веткам деревьев.

– Но-но, – сказал Минт, убрав руки в карман пальто. – Чарльз и Тревор вступают в «Фи Дельту». – Он сказал это так, как будто эта информация была защитой от любых обвинений, похвалой, с которой невозможно не согласиться. В конце концов, «Фи Дельта» было лучшим братством на кампусе. Все знали, что Минт попадёт именно туда. Фрэнки и Джека тоже взяли на испытательный срок, но, в основном, потому что они вместе с Минтом, как будто комплектом.

– Как Чарльз и Тревор вообще узнали, где найти нашу платформу? – Спрятать её за общежитиями аспирантов, на самом краю кампуса, куда студенты колледжа редко заходили, было моей идеей, и до этого момента я этим очень гордилась.

Фрэнки почесал своё краснеющее лицо.

– Возможно, это я... что-то сказал, когда мы пили пиво... о том, как мы шумели, а аспиранты на нас орали...

По нашей маленькой толпе прокатился хор стонов и возмущённого: «Какого чёрта, Фрэнки». И это было твёрдым признаком серьёзности ситуации, потому что обычно всё наше общежитие местную футбольную звезду обожало.

– Фрэнки, ты и твой длинный язык. – Джек раздражённо вздохнул. – Один секрет, чувак. На что хочешь спорю, ты в жизни не сможешь сохранить ни одного секрета. Сохрани – и я умру от удивления.

– Видите? – Хезер перешла в свой любимый режим: театральное представление. Я могла представить себе как она идёт по сцене, поднимает меч и восклицает: «Да быть войне!» на радость восторженной публике. – Они знали, что победить надо в первую очередь нас, и они знали, где найти нашу платформу. Это саботаж.

Один из ребят, живших по соседству с Минтом и Купом, отошёл куда-то за платформу. Потом он рассмеялся, показывая пальцем на покосившуюся стену замка.

– Минт, ты должен это видеть. Они оставили тебе послание.

Мы все вместе пошли смотреть. Сзади на стене платформы красной краской с подтекающими буквами была нарисован мальчик из палочек на коленях у нарисованной из палочек женщины. Они были окружены кривыми значками доллара. У мальчика изо рта выходил пузырь со словами: «Мамочка купила мне эту платформу». Под фигуркой кривыми буквами было написано: «и всех моих друзей», и дальше «Ист-Хауз – мошенники. С любовью, Чапмен».

– С чего мы взяли, что это должен быть Минт? – Прошептала Каро.

– Да ты что, – фыркнула Хезер. – Конечно это Минт.

Я осмелилась посмотреть на него. Хоть мы теперь и были друзьями, смотреть на него всегда казалось опасным делом – как будто подбираешься слишком близко к солнцу. Но он не смотрел ни на что, кроме рисунка; не обращал внимания даже на Кортни, стоящую так близко, что он задевал её плечо каждый раз, когда двигался. Минт и Кортни казались неизбежной парой: подобное к подобному, поэтому я старалась игнорировать старые, горькие чувства, которые вызывала во мне их близость.

Но с Минтом что-то было не так. За все два месяца знакомства с ним я ни разу не видела чтобы его лицо выглядело вот так: с алыми полосками на щеках и шее. Его кожа выглядела болезненно, как будто дотронешься – и обожжёшься. Его глаза бегали, оглядывая тихонько хихикающую толпу.

Куп положил руку Минту на плечо.

– Тебя обессмертили. А я-то думал, что твоё имя будет на вершине здания или типа того. – Его рот изогнулся в улыбке. – Ты должен признать, что сходство поразительное. Я тебе говорил делать побольше упражнений на ноги. Смотри, какие тонкие икры.

Минт вырвал плечо из его руки.

– Отвали от меня.

Его ярость была как удар молнии, совершенно внезапной. Куп отошёл на полшага и поднял руки, сдаваясь.

– Ладно, тише, тише.

Из-за спины Минта он нашёл глазами мой взгляд, и в уголке его рта появилась улыбка.

Это было сообщение одной только мне; взгляд, который создавал пространство только для нас одних. Он всё время так делал. Неважно, были мы на вечеринке в битком набитой комнате или я выходила с лекции в толпе других студентов и заметила, как он сидит на скамейке читает, или мы обедаем, и он приходит последним и ставит свой поднос с противоположной стороны стола. Он всегда находил меня, и в этот первый, краткий момент, когда наши глаза встречались, мы существовали в отдельном пространстве. В частной комнате, которую он построил, чтобы сказать мне что-то, что я не могла разобрать до того, как момент закончится.

– Не смешно, – резко сказал Минт. Я отвела глаза от Купа, привлечённая руками Минта, которые он сжал в кулаки. – Это ложь.

– Разумеется, – сказал всегда верный Фрэнки.

– Чёртовы лузеры. – Минт пнул ногой платформу прямо в центре картины и она затрещала; посыпались щепки. – Лжецы. – Всё ещё красный, он ещё раз пнул платформу, и все замолчали. И потом Фрэнки тоже пинал, пока замок не разрушился окончательно, оставив на своём месте зияющую дыру.

Несколько секунд было слышно только сдавленное дыхание Минта. Потом Джек сказал.

– Так значит, платформу не починим.

Одна из девочек с моего этажа вздохнула.

– Поверить не могу, что потратила на это столько времени. Такой провал. – Она откинула назад волосы и развернулась, чтобы уйти.

– Ты куда? – Спросила Каро; по лицу было видно, что она чувствует себя преданной.

Девушка изумлённо воззрилась на неё.

– Сегодня – вечер перед встречей выпускников, Каро. Я не собираюсь пропускать вечеринки только для того, чтобы слепить какую-нибудь жалкую хиленькую платформу и всё равно завтра проиграть.

– Я тоже, – сказал кто-то ещё, и это был последний удар; опустившийся занавес. По толпе пробежался шёпот и потом все зашевелились, поправляя на спинах рюкзаки. Парами и тройками они разбрелись, бормоча про Чапмен-Холл, писькомеров и слишком далеко зашедшие розыгрыши.

Остались только восемь из нас; мы старались не смотреть на дырку в платформе.

– Вы можете в это поверить? – Спросила Каро. – Одно препятствие – и они разбежались. Где их верность?

Джек вздохнул и опустился на землю, усевшись среди мёртвых листьев.

– Мне не нравится быть тем, кто это скажет, но, по-моему, мы в жопе.

Хезер плюхнулась на землю возле него и прижалась к нему. Джек порозовел и огляделся, чтобы посмотреть, смотрим ли мы. За два месяца дружбы я узнала, что этот оттенок розового означал, что он рад вниманию Хезер, но сторит, если кто-то это упомянет. Хезер называла его стеснительность «Джек освобождается от многих лет подавления» – фраза, которую она подцепила в одной из своих книжек по введению в психологию. По ночам, когда мы с ней и Каро сидели болтали, ожидая, пока высохнут наши маски, или смотря бесконечные сериалы, Хезер делилась с нами секретами, которые ей рассказал Джек: например, что его никогда не

целовали, что ему никогда не разрешали иметь девушку. Но она была терпелива; она раз за разом делала, каждый раз новый, первый шаг. Такой была Хезер. Она была человеком, делавшим вещи, которые я никогда даже не считала возможными.

– Ну же, должно же быть хоть что-то, что мы можем сделать, чтобы починить платформу. Или по крайней мере план как расквитаться с «Чапменцами». – Хезер уронила голову Джеку на плечо. Он сидел прямо, как стрела.

– Давайте сожжём общежитие Чапмена дотла и пошлём встречу выпускников куда подальше. – Сказал Куп. – Всё равно это всё фигня.

– Куп прав. Поверить не могу, что я позволила вам уговорить меня в это ввязаться. – Кортни повернулась к Хезер, её крашенные красной помадой губы печально изогнулись. – Я тебе с самого начала говорила, что победа в этом супермодном соревновании детсадовских поделок никак не поможет нам возглавить списки кандидаток в «Чи-О». И теперь мы даже не победим. Это унижительно.

Как и братство «Фи Дельта», сестринство «Чи Омега» было лучшим на кампусе. Они хвастались идеальной статистикой приёма. Каждый год, каждая девушка, которой было предложено членство в сестринстве, обязательно с благодарностью его принимала, зная, что место в «Чи О» означало, что ты четыре года будешь выше всех остальных. По слухам, ни одно другое сестринство – даже следующее по популярности, Каппа – даже близко не подошло к этому рекорду.

Я быстро выяснила, что социальная жизнь Дюкета вертелась вокруг двух вещей: футбола и студенческих объединений. Победа в футбольном чемпионате была вопросом жизни и смерти, и важнее этого было только членство в правильном объединении. В некотором смысле это было чем-то устаревшим – футбол и студенческие объединения казались сошедшими с экрана фильма «Плезентвилль» – но, с другой стороны, это было безвременным явлением: просто ещё несколько способов пройти сортировку. Любой студент, прошедший через борьбу за Дюкет, знал, что жизнь – ни что иное как постоянный цикл «соревнование, ранги, сортировка». Иерархия была нормой. Станным было то, как глубоко мы начинали нуждаться в ней и как, по прошествии достаточного количества времени, мы начинали хотеть, чтобы кто-то явился и расставил нас по местам.

– Кортни, – прорычал Фрэнки, – можешь ты хоть на секунду заткнуться и дать нам подумать?

Кортни широко раскрыла глаза. С ней никто так не разговаривал.

Я осторожно подошла туда, где стоял, сложив руки на груди, Минт, и, быстро вздохнув для уверенности, тронула его за плечо.

– Эй. Ты в порядке?

Он не отстранился от прикосновения, но и на меня не посмотрел.

– Я сорвался. Просто семья Чарльза знает мою семью, и я думал...

Моё сердце бешено забилося.

– Ты же знаешь, что они просто завидуют, да? – Я решила рискнуть, и оставила руку у него на плече, а взгляд – на его лице.

Он повернулся ко мне резким движением.

– Завидуют?

Меня поймали. Меня пропитало, будто солнечным светом, теплом.

– Ну конечно же.

Он улыбнулся.

– Джессика, – донёсся ледяной голос Кортни. – Я знаю, что тебе обязательно надо попытаться удачи с Минтом, пока он уязвим, но сейчас определённо не время для флирта.

Чувство было такое, как будто она протянулась через траву и дала мне пощёчину. Или хуже – как будто она сорвала с меня одежду и оставила меня обнажённой, показав всем мои

намерения и желания. Я отступила, убрав руку с плеча Минта; глаза жгло от унижения. Но прежде чем я смогла судорожно вдохнуть, чтобы сказать я даже не знаю что, встряла Хезер.

– Кортни, не будь такой стервой.

Может быть мне и нечему было удивляться. Хезер всегда была категоричной в отношении хорошего и плохого, видела мир чётко разделённым на добро и зло. Я считала, что это потому что первые восемнадцать лет её жизни были простыми, лишёнными препятствий. Лёгкая жизнь позволила ей верить в то, что мир – чёрно-белый, без серого. Хезер могла себе позволить так смотреть на мир, потому что ей не приходилось постоянно бороться за то, чего она заслуживает, и не приходилось жить в мире серого только для того, чтобы понимать дорогих ей людей. Это было ещё одной роскошью, как её красивая одежда и дорогие сумочки.

И всё-таки Хезер и Кортни были два сапога пара: лучшие друзья, соседки по комнате. Она должна бы сохранять верность подруге.

– Ты серьёзно? – Кортни выглядела такой же ошалевшей, как и я. Порыв ветра поднял её сияющие, как на обложке журнала, с её плеч. – Ты выбираешь её?

Вот она, последняя граница. Я могла только ошеломлённо переводить взгляд с одной на другую.

Хезер мгновение помолчала, и потом сказала:

– Да. Не обижай слабого.

Она всё-таки выбрала меня.

Кортни раскрыла рот. Она осмотрелась, глядя в лица окружающих в поисках союзника и хоть какой-то симпатии. Взгляд её остановился на Минте, но, что бы она там ни увидела, это заставило её тяжело сглотнуть, а потом закатить глаза.

– Ладно, пофиг. Мне скучно. Удачно вам потратить время на гиблые дела. – Она глянула на Хезер. – Значит, увидимся позже или типа того. – Это прозвучало как вопрос: «Увидимся?» В то мгновение Кортни выглядела юной и неуверенной.

Хезер коротко кивнула:

– Увидимся дома.

Но когда Кортни ушла, она поймала мой взгляд и улыбнулась.

Я чувствовала себя наполненной светом. Забудьте про Минта; вот каково оно: смотреть на солнце. Хезер заступилась за меня. Выбрала меня. Кто хоть когда-то так поступал?

– Ребята, послушайте. – Глаза Джека были огромными от возбуждения. – Мне только что пришла в голову идея. Как расквитаться с Чапменцами и в то же время вернуться в соревнование. Есть только одна проблема: это немножко незаконно.

И тут же, немедленно, последние полчаса будто бы смыло, как ничего и не было. Мы радостно улыбались друг другу.

– Вываливай, – сказал Фрэнки.

Джек подмигнул Каро.

– Ладно. Вы знаете, что Чарльз одержим Каро?

Минт хохотнул.

– Чувствую, будет интересно.

– Что бы ты там ни думал, сразу нет, – сказала Каро.

– Выслушай меня. А что если за то, что Чапмены уничтожили нашу платформу, мы украдём их?

– Глупый Джек, – сказал Куп. – Я твой со слова «незаконно».

Я попыталась улыбнуться Купу, он на меня не смотрел.

– Мы знаем, что Чапменцы прячут свою платформу за Бишопом. – Бишоп-Холл был общежитием для старшекурсников, так что у кого-то из первокурсников-чапменцев, скорее всего, были знакомые из старших. – Нам просто надо, чтобы Каро проникла в комнату Чарльза

и забрала ключи от их платформы. А потом мы ночью её украдём, переделаем в платформу Ист-Хауза и завтра отправимся на ней к победе.

– Блестяще, – выдохнул Фрэнки. – Мы даже сможем использовать фейерверки.

Я закатила глаза.

– Так что весь план держится на том, что Каро на ночь превратится в Джеймса Бонда. Никакого давления.

– Да, забудьте. – Сказала Хезер. – Каро не может продаться. Она ненавидит Чарльза. Он индюк надутый.

– Индюк надутый из «Фи Дельты», – поправил Куп. – А значит, ему можно.

– Нет, подождите минутку. – Каро глубоко вдохнула. – Я это сделаю. Ради вас.

Я прищурилась. – «Ты уверена?» – Иногда глубины верности Каро меня пугали.

Фрэнк захлопал в ладоши. «Мы станем легендами».

– Одна маленькая проблемка, – сказал Минт. – Я уверен, что помню как Тревор говорил, что Чапменская платформа будет называться «Дюкет в раю».

– А это значит? – Спросила Хезер.

– А это значит, что это пляж на колёсиках. С пальмами, песком и всё такое. Они планировали ехать на ней в плавках и купальниках.

– На дворе октябрь, – сказала я.

– Да, ну, очевидно, они ради победы готовы на всё. Я хотел сказать, что в свитерах мы будем выглядеть довольно глупо.

– Чёрт. Ладно. Хорошо, что мы весь семестр ходили в спортзал. – Фрэнки огляделся и нахмурился. – Что? Почему вы так на меня смотрите?

Куп похлопал Фрэнки по плечу:

– Мне нравится ход твоих мыслей.

– Как только они поймут, что платформа пропала, Чапменцы будут знать где её искать, – сказал Джек. – Нам надо спрятать её где-то, где они не найдут до начала парада. Пусть паникуют и тратят время на поиски.

– Им и в голову не придёт, что мы осмелимся участвовать, – сказала Хезер. – Но нам всё равно надо хорошенько подготовиться. Быть уже в центре парада до того, как они поймут что происходит.

Куп прикусил губу.

– Я знаю где можно спрятать. Старое заброшенное поле в паре кварталов отсюда. Довольно подозрительное, но никому в голову не придёт. Я гарантирую.

Каро усмехнулась:

– Как это – гарантировать?

Он только пожал плечами.

– Я знаю кто из студентов Дюкета о нём знает, а кто – нет.

– Как скажешь. Я считаю, что стрёмное поле Купа подходит, – сказала Хезер.

– Ладно, – Джек обнял Купа рукой за плечи. – Напишите когда у вас будет товар, и мы приступим к выполнению плана.

На полупустую парковку за баскетбольным стадионом мы выбуксовали сразу, как только команда болельщиц убрала оранжевые конусы, тем самым сигнализируя, что парад вот-вот начнётся и платформы должны выстроиться.

Пока мы тащили платформу, Хезер осматривала парковку.

– Отлично. Ни одного шпиона из Чапмен-Холла. – На её губах появилась улыбка. – Наверное, до сих пор рвут на себе волосы и носятся по кампусу.

Мы пришли настолько рано, что перед нами был только одна платформа организаторов – она всегда шла первой, и на ней всегда была толпа шумных футболистов. Спустя несколько минут напряжённого ожидания, когда мы внимательно смотрели на каждую въезжающую за

нами на парковку платформу, с другой стороны стадиона раздалась музыка. Из громкоговорителей послышался голос; он звучал воодушевляюще, хотя слов я разобрать не могла. Внезапно полицейский, управлявший дорожным движением на параде, выпрямился по стойке «смирно». Он показал на платформу организаторов, потом посмотрел на нас и махнул нам начать движение.

Отступать было поздно. До сегодняшнего дня я даже не представляла, что могу совершить хищение транспортного средства, а потом гордо это всем продемонстрировать. И вот я тут, стою на краденой платформе, дрожу, одетая не во что-то, а в серое бикини и вот-вот покажусь на обозрение всех студентов и выпускников. И всё, о чём я могла думать – это будут ли полицейские, занимающиеся организацией парада, поласковой, когда они будут арестовывать нас после парада.

Какова цена за славу?

Минт кивнул Джеку, сидевшему за рулём, тот показал ему палец вверх, и мы медленно двинулись вперёд, из-под прикрытия баскетбольного стадиона – на маршрут парада.

Каро сжала мою руку.

– Надеюсь, оно того стоит.

Я глянула на неё. Каро пожертвовала больше, чем все мы.

– Сколько у тебя ушло времени на то, чтобы добыть у Чарльза ключи? Я пыталась тебя ждать, но уснула. Как ты, в конце концов, это сделала?

Каро густо покраснела.

– Понадобилось очень много времени, – пробормотала она. – Теперь уже неважно.

Странно...

– Машите, глупые! – Хезер, выглядевшая чрезвычайно комфортно в её ярко-жёлтом бикини, зыкнула на нас и с энтузиазмом замахала толпе.

Толпа. Сотни человек по обеим сторонам улицы так далеко, насколько хватало взгляда. С момента, когда мы выехали на всеобщее обозрение, я видела, как они смотрят на нас и смеются: нелепые студенты, одетые в пляжную одежду посреди северо-калифорнийской осени.

– Слышите эти крики? – Фрэнки продемонстрировал толпе мускулы. – Они нас любят!

И вообще-то он не ошибся. Все, кому я махала, улыбались и махали в ответ. Когда Минт изобразил как он плывёт сквозь волны, дети поддержали его громкими возгласами. Ребята из Чапмена предусмотрительно спрятали сзади платформы красные и белые конфетти, и теперь Куп их разбрасывал, осыпая ими всех, кого мы проезжали и позволяя детям драться за пригоршни кружочков. Я даже перестала мёрзнуть. Мы ехали по улице, и адреналин нагрел моё тело, заставляя меня забыть о холодном воздухе. Блэквельская башня, конец маршрута парада, вряд ли уже очень далеко.

У нас действительно всё получалось.

– Проблемы! – Закричала Хезер, показывая вперёд.

Там на обочину дороги прибежали студенты Чапмена.

– Воры! – закричал Тревор, который, надо отдать должное Кортни, был чем-то похож на индюка – маленького и сморщившегося.

– Эти гады украли нашу платформу!

– Конечно, украли! – Фрэнки показал на баннер, который мы так и оставили висеть, зачеркнув на нём надпись «Чемпионы Чапмен-Холла» и подписав «Ист-Хаузская семёрка».

– Вы первые разрушили нашу! – Закричала Хезер.

– Кэролин! – Этот крик донёсся от Чарльза, который стоял на тротуаре в красно-белом лакросском жакете и ошеломлённо моргал. – Я тебе доверял!

– Ой-ой, – сказала Каро и спряталась за меня.

– Мы не дадим вам использовать нашу платформу и победить! – Один из чапменцев провалился через ограждение парада и выскочил на улицу, прямо перед нами; за ним последовало

ещё несколько человек. Они пытались не дать нам доехать до финиша у башни. Если они нас остановят, мы задержим все платформы за нами. Остановится весь парад.

Джек откинулся назад и закричал с водительского сиденья:

– Что будем делать?

– Сбей одного, – закричал Куп, всё ещё раскидывая огромными горстями конфетти; красные и белые бумажки были повсюду, но в основном застряли, как блёстки, в его волосах. – Остальные будут знать!

В приливе отчаянья мне пришла в голову мысль. Мысль была безумной и не могла привести ни к чему, кроме неприятностей, но я была в обществе Купа и Фрэнки, Минта и Хезер, Каро – и это почему-то заставляло меня чувствовать, что ничего плохого случиться не может.

– Фейерверки, – сказала я. – Стреляйте фейерверками, чтобы их распугать.

Фрэнки не задавал вопросов; он просто метнулся туда, где мы спрятали их за пальмами.

– Целься вверх, – крикнул Минт. – И осторожно, ты же не хочешь...

Как это случилось, никто из нас так и не смог понять, сколько бы потом ни вспоминали. В одно мгновение Фрэнки возился с римской свечой, в следующее его плавки загорелись, фейерверк взлетел в небо, мы все закричали, а Фрэнки сделал единственное, что, по его заверениям позже, он тогда мог сделать: стащил с себя горящие плавки. Он оттолкнул их от себя, а Римская свеча взорвалась в воздухе, треща, как автоматный огонь. Толпа ахнула. Чапменцы побежали, расчистив улицу.

– Кто-нибудь прикройте Фрэнки! – Закричал Минт. Фрэнки стоял с широко раскрытыми глазами; он застыл от шока, прикрывая пах. В кои-то веки Куп послушался: сорвал огромный лист с пальмы и сунул ему. Мгновение Фрэнки просто смотрел на лист. Потом он медленно покачал головой.

– Поприветствуем Кримсон! – Закричал Фрэнки, высунувшись за периметр платформы и подняв руки в воздух, пока Куп пытался прогнать его листом. Когда Фрэнки развернулся к ним спиной, толпа слетела с катушек.

– Выпендрёжник! – Закричал Джек с водительского сиденья. Он нажал на газ и платформа полетела вперёд.

Это был полный хаос.

– Ещё фейерверков! – Закричала Хезер. Я развернулась, привлечённое смехом в её голосе, и конечно же, она сияла, глядя на убегающих студентов из Чапмен-Холла и визжащую толпу, как будто это был идеально сработавший план.

– Ты с ума сошла? Мы же сожжём платформу!

Проигнорировав меня, она зажгла римскую свечу. Она пролетела в воздухе по идеальной параболе и взорвалась в сияющий цветок. Она пожала плечами.:

– Я каждое четвёртое июля запускаю фейерверки с папой.

Конечно. Это загадочное время отца с дочерью.

Мы повернули за угол, там Блэквельскую башню, а перед ней – огромную сцену, с которой ректор давал свою речь по случаю встречи с выпускниками. Мы были так близко.

Куп подошёл ко мне; его лицо было окружено нимбом из конфетти.

– Ты похож на маньяка, – сказала я ему. – Ангел духа колледжа.

Он дал мне зажигалку.

– Давай, мы оба знаем, что ты хочешь.

Потом он глянул на меня; вернулся тот взгляд, только для нас двоих; всё ликование, смех, взрывы отодвинулись куда-то на задний план. В первую очередь именно возвращение этого взгляда заставило меня взять зажигалку и дотронуться пламенем до фейерверка.

– Джессика-бунтарка! – закричал Куп одновременно с тем, как из римской свечи вылетел фейерверк.

Я закрыла лицо руками и сквозь пальцы смотрела, как он долетает до верхней точки и распускается, осыпаясь будто бы светящимися бриллиантами.

Платформа приблизилась к сцене. И, впервые в жизни, мы оказались лицом к лицу с ректором, который стоял в центре, сжимая в руках высокий микрофон. Даже отсюда я видела, что лицо его побагровело.

– Будут любезны все студенты, – рявкнул он, – которые желают оставаться студентами этого университета немедленно прекратить огонь!

* * *

Мы стали героями. Не для администрации, конечно – те спровадили нас напрямиком в кабинет ректора в Блэквеле, где нам пришлось час прождать только для того, чтобы на нас поорали за «неприличное поведение, несанкционированные фейерверки, жалобы от разгневанных студентов Чапмен-Холла». Ректор всё допрашивал Купа – единственного из нас, кто отказался надеть рубашку – как будто именно он был тайным зачинщиком этого всего. Но бороться приходилось ещё и с Минтом с его семейным влиянием, и с Фрэнки, звездой футбола. Так что в конце концов он выдал нам два месяца исправительных работ и строгое предупреждение не влипать в неприятности следующие три года.

Нет, администрация нас ненавидела. Но вот студенты...

Той ночью мы вошли на вечеринку в честь встречи с выпускниками братства «Фи Дельта» – все семеро вместе, рука в руке – и замерли, ошалев. В фойе здания с лестницы свисал баннер с нашей платформы – тот самый, на котором мы зачеркнули «Чемпионы Чапмен-Холла» и написали «Ист-Хаузская семёрка».

– Ни фиги себе, – выдохнула Хезер. – Они его спасли.

Общежитие братства было чистым безумием. Народу там было больше чем обычно: обычные студенты плюс выпускники, последние – по большей части чистенькие нарядно одетые юристы и банковские менеджеры в дорогих джинсах. Парень, стоявший на лестнице сверху, заметил нас и показал на нас бутылкой с пивом: «Ист-Хаузская семёрка!»

Все в фойе развернулись; все взгляды направились в нашу сторону.

– Это те стрикеры с парада! – закричал кто-то. – Которые стреляли в ректора!

Комната наполнилась свистом и восторженными воплями.

– Вы должны были победить! – закричал кто-то из толпы.

Старшекурсник из «Фи Дельты» выскочил вперёд и вцепился в руку Фрэнки.

– Чувак, у вас стальные яйца! – Он обнял одной рукой Джека за плечи, а потом подмигнул мне и Хезер. – Но серьёзно, что сказал Чанс? Вас же не выгнали? Потому что вы, клоуны эдакие, просто рождены для «Фи Дельты». – Он игриво ударил Минта в плечо. – А ты! Тот ещё баламут, кто бы мог подумать? Я в восторге.

Он потащил ребят в сторону бара. Я подняла бровь им вслед. Если Фрэнки и Джек до сих пор не были кандидатами в члены братства из-за собственных достоинств, теперь они определённо ими стали.

– Идём, – сказала Каро, дёргая меня за руку. – Потанцуем!

Я обернулась, осознав, что с тех пор, как мы вошли, я не видела Купа – куда же он так быстро запропастился? – но Каро уже тянула меня за руку. Оказалось, что популярность снижали не только ребята. Как только мы зашли на танцплощадку, толпа расступилась, а танцоры развернулись, чтобы сказать нам, что им понравилась наша платформа, наши бикини, что мы – глоток свежего воздуха, диверсанты, подорвавшие администрацию и традиции праздника встречи с выпускниками. Мы смеялись над их комплиментами, но поправлять их не стали; мы не сказали: «Мы хотели только мести, всё остальное было случайностью». Мы только улыбались и пили то, что они нам давали.

Одна Кортни не была под впечатлением. Она зыркала на нас из угла танцплощадки, где стояла в обычном для неё окружении девчонок, одетых как дешёвые версии её самой. Они шептались, прижимались ближе и хотели, чтобы её свет отражался в них. Я почти пожалела её – но сейчас я могла себе это позволить. Ист-Хаузская семёрка могла бы быть восьмёркой, но она поставила не на то. Теперь у нас была слава, а её забыли. Я уже чувствовала, как между нами растёт стена – невидимая, но осязаемая.

Хезер не обращала на Кортни никакого внимания, вертясь по танцплощадке с вытянутыми руками. Мы сегодня поменялись платьями: на ней было моё розовое платье, которое завязывалось на спине, а я надела чёрное платье, которого жаждала с того дня, как увидела как она покупает его в магазине, хоть и бледнела при воспоминании о ценнике. Когда мы готовились к празднику, она спросила:

– Хочешь взять поносить? – И это был даже не вопрос. Я сразу же повернулась к её шкафу и уставилась туда, где висело это платье: тонкая, как шёпот, переливающаяся ткань. Но я не могла признать, что хочу его, пока она не сказала:

– Я надена твоё. Равноценный обмен. – Тогда это было нормально. Она надела моё розовое платье и сказала:

– Сидит идеально, – а потом своему отражению в зеркале, дёргая за бант. – Очаровательная простота.

Это самое слово – «простота» – заставило меня кое-что осознать. Заставило меня вспомнить, что она вчера сказала Кортни, защищая меня: «Не обижай слабого». Имея в виду, что, мол, да, я – друг Хезер, но она меня видела вот так: ниже себя.

Я всё равно надела её чёрное платье. Так что может быть, я и была ниже.

Песня сменилась на что-то, что Фрэнки любил запускать по кругу в своей комнате, и из-за угла появился Джек с бутылкой виски в руке; его некогда идеально, как у мистера Роджерса, причёсанные волосы были растрёпаны по всему лбу, как будто он уже успел побузить.

– Это моя песня, – сказал Фрэнки, выскочив на танцплощадку следом за Джеком и так быстро потеряв равновесие, что Джеку пришлось схватить его, чтобы удержать на ногах. Ни на мгновение не остановившись, Фрэнки подскочил к Каро и поднял её за пояс. – Кто-нибудь тебе говорил, что ты крошечная?

– Но великая, – сказал Минт, входя за ними с ещё одной бутылкой виски в руках, разрывавшийся, с ярко горящими глазами. Пьяный. – Наш шпион «Ист-Хауза».

– Прекрасный диверсант! – Нараспев проговорил Джек.

Я посмотрела на Минта, кивая на его виски.

– Братья «Фи Дельты» явно от тебя в восторге.

Он пожал плечами, но не смог сдержать улыбку. – «Они от всех нас в восторге. Ты, может быть, уже кандидат в Чи-О, между прочим. После сегодняшнего».

Какой резкий контраст. Вчера я была обыкновенной Джессикой Миллер. Сегодня я – девушка в дорогом платье, одна седьмая звезды, будущий член «Чи-О». Я думала об обещании Дюкета: «Мы изменим тебя, душу и тело». Может быть, именно это и происходило.

Хезер заметила Джека и перестала крутиться, сосредоточившись на нём, как будто он был единственным человеком в комнате. Она подошла к нему и протянула руку. На мгновение Джек выглядел неуверенно, а потом сделал глубокий вдох, протянул к руку ней и наклонился.

– Виски, – сказала она. Он замер, чуть не опрокинув бутылку, когда убрал руку и вместо неё протягивал виски. Даже темнота комнаты не могла скрыть цвет его щёк. Хезер отпила большой глоток, а потом протянула бутылку обратно. Она улыбалась своей знакомой улыбкой кошки, съевшей канарейку.

– Для смелости, – сказала она.

Что она задумала? Вопрос на века.

Джек потянулся за бутылкой, но она схватила его за руку и притянула к себе. Прямо посреди танцплощадки, Хезер его поцеловала: в одной руке виски, а другая – на щеке у Джека.

– Наконец-то, – простонала я, а Фрэнки засвистел так громко, что я была уверена, что Джек сейчас вырвется и убежит. Минт повернулся ко мне, ухмыляясь, и открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут музыка сделалась громче, басы завибрировали через пол, а Фрэнки закричал:

– Это – моя любимая часть!

Вместо того, чтобы что-то сказать, Минт схватил меня за руку и развернул; чёрное платье закрутилось идеальным кругом. Краем глаза я видела, как Каро смеётся с Фрэнки; Джек и Хезер уже отстранялись, но ещё склонились друг к другу.

– Где Куп? – Закричала я, пытаюсь перекричать всё более громкую музыку.

Минт повернулся и показал на задний выход, который вёл с танцплощадки во внутренний дворик:

– А где же ещё?

Я посмотрела. И конечно же Куп стоял в угле двора с двумя другими ребятами. Он был глубоко погружён в разговор, внимательно слушая, как говорит один из них. В задумчивости он запустил руку в волосы и заткнул локон за ухо. Я смотрела, как локон непослушно поднимается вверх, а он, кажется, не заметил. Только я.

Но мой взгляд его привлёк, и он повернулся.

– Куп! – закричала Каро, прыгая под музыку, даже когда она делалась всё быстрее. – Иди танцевать с нами!

– Не будь лузером! – Закричала Хезер.

Джек поднял бутылку.

– У нас виски!

– Я снова разденусь, – пробасил Фрэнки. – Если хорошенько попросишь.

Куп засмеялся, потряс головой и вернулся к разговору. Я глубоко вдохнула и закричала:

– Ну же, Куп!

Он повернулся и поднял брови. Я тоже подняла бровь. Вызов. Внезапно он шлепнул по руке одного из ребят, что-то ему передавая, и зашел в дверь, идя насквозь через танцплощадку. Каро и Фрэнки заулюлюкали; Джек улыбнулся до ушей и протянул бутылку виски. А во мне было чувство, которое я едва опознала; чувство, для которого у меня не было слов. Ближайшее, которое я могла бы назвать, было «Смотрите что я могу» или «Блин, что я натворила».

Но Куп не пошёл ко мне. Он подошёл к Каро, оттолкнул Фрэнки, чтобы взять её за руку и раскрутить её, чтобы она засмеялась. Чувство внутри меня превратилось в стрелу; Минт вцепился в меня, и тут из фойе на танцплощадку ворвался парень, надевший наш баннер на плечи, будто плащ, и все расступились, аплодируя. Песня приближалась к развязке, к вершине холма, и мы смеялись, все всемером, прыгали, соприкасаясь руками. Я видела, как в темноте светятся их лица. И я думаю, что я знала, даже тогда, что лучше, чем в тот момент, не будет. Я думаю, какая-то часть меня могла почувствовать – даже тут, посреди триумфа, в нашем диком, идеальном начале – небольшие семена нашей гибели.

Глава 6

Январь, первый курс

Ужас и предвкушение: самый могущественный в мире химический коктейль. До дня приёма в сестринства я никогда прежде не видела сразу стольких готовых взорваться девушек. Баскетбольный корт спортзала был битком набит, от стены к стене, поёживающимися, трясущимися первокурсницами; одни бесконечно тараторили, а другие хранили гробовое молчание. Мы с Каро представляли оба лагеря: она не могла заткнуться, а я не могла раскрыть рта.

– Думаешь это правда, что говорят, что мальчишки выстраиваются на порогах и кричат на нас, пока мы бежим? Думаешь, правда, что они чем-то бросаются? А что если нас не захочет абсолютно никто и мы попадём на самое дно, в какое-нибудь «АОД» или типа того? Что если мы не попадём в «Чи-О»? – Каро закрыла глаза и сделала глубокий вдох. – Всё будет нормально. Всё будет хорошо.

Что если я не попаду в «Чи-О»? Этот страх меня преследовал. Но я туда попаду, обязательно должна. Попасть туда – значит будто бы получить надпись на лбу «популярная, красивая, лучшая», и где бы я ни шла, все сразу будут это знать.

Наш лидер студенческих объединений вручил конверт Каро, потом мне. Хезер подошла поближе:

– В нетерпении?

– Угу, – неубедительно сказала Каро. Я, с пересохшим ртом, кивнула.

– Вот наша общественная судьба, вот она, в наших руках! – Хезер подбросила конверт и засмеялась, как будто он не весил тысяч фунтов ожиданий. Потому что разумеется. Я начала понимать, что в жизни Хезер не было ни единого мгновения, когда она не была чрезвычайно уверена в себе. Обычно это было упоительно. Сейчас я почувствовала укол зависти.

– Итак, девушки, – сказал в микрофон президент студенческих объединений. – Настал тот час. Открывайте конверты, а потом вы можете бежать в свои новые дома на кампусе, туда, где вас ждут ваши сёстры!

По всему спортзалу послышались визги и звуки рвущейся бумаги. Я дёрнула свой конверт, но он не поддавался.

Рядом со мной Каро завизжала:

– Я попала в Каппу! О господи, Джесс. Я знаю, что это не «Чи-О», но я всё равно так рада!

У меня не было времени её утешать. Зал наполнился визгами и всхлипываниями. Я дёрнула сильнее, и, наконец разорвав конверт пополам, стиснула в пальцах красиво надписанное приглашение.

«Джессика Миллер,

мы очень рады пригласить тебя стать

членом Каппа Гамма 2006 года приёма!»

Как Каппа? Я сидела, но земля подо мной завертелась. Попытался вырваться плач, но я сдержала его. Нельзя плакать здесь. Я не стану. Мне нужно было выбраться отсюда до того, как взорвётся то, что сейчас во мне копилось.

Моё внимание привлёк счастливый визг оттуда, где Хезер и Кортни вместе прыгали; со времени встречи выпускников они уже давным-давно успели помириться.

– Мы соседки и «Чи-О», – радостно кричала Хезер.

Их взяли, а меня нет. Хезер и Кортни. Комната пошатнулась.

– Джесс, куда тебя взяли? – Каро улыбнулась, но глаза её были встревоженными.

Я пихнула ей приглашение.

– Это великолепно! – Она радостно раскинула руки. – Нас приняли обеих! Джесс, это прекрасно. Теперь мы всё сможем делать вместе.

Я неловко поднялась на ноги, игнорируя её протянутые руки и побежала через спортзал, огибая группы девчонок; некоторые прыгали от радости, другие, не стесняясь, рыдали.

Я выскочила из спортзала и побежала, двигаясь так быстро, как только могли нести меня ноги, и игнорируя холодный январский воздух, странные взгляды и одного парня, который закричал:

– Первокурсница, общаги в другую сторону!

К тому времени, как я добежала до Ист-Хауза, мои глаза уже застилала пелена слёз. Я провалилась. Я едва заметила, что прошла во дворе мимо Фрэнки и Джека; они пили пиво и смеялись возле снеговика с неприлично большой определённой частью тела. Но я не посмела остановиться, просто проскочила внутрь и побежала вверх по лестнице – и врезалась во что-то большое. До того, как я успела упасть назад, меня протянули и ухватили чьи-то руки.

– Джесс?

Я потёрла глаза. Это был Куп, в его кожаной мотоциклетной куртке; возможно, он направлялся по какому-то из своих дел, о которых он всегда отказывался нам рассказывать.

Его руки были на моих плечах, тёплые даже через ткань моего пальто. Он посмотрел на меня.

– Что случилось?

Я потрясла головой. Я очень хотела попасть в свою комнату. Даже если там Рейчел, мне было всё равно. Я всё равно разрешу себе плакать, а ей придётся потерпеть.

Он потёр мои плечи, а я невольно прижалась к нему.

– Серьёзно, ты можешь мне рассказать.

– Меня не взяли в «Чи-О», – призналась я, не в силах дальше держать это в себе. – Я предпочитала их, а меня не взяли, и теперь я – в «Каппа». Не могу поверить, что меня не взяли. Что со мной не так?

– Так это всё из-за сестринств? – Куп убрал руки с моих плеч и сунул их в карманы. – Ты же знаешь, что это элитистский бред? Зачем тебе вообще быть частью всего этого? Система буквально сделана для того, чтобы заставить тебя себя ненавидеть – это же её главный двигатель!

Это был последний удар. Я разревелась.

– Чёрт. Ты правда расстроилась. Хорошо, мы можем это поправить. – Куп положил руку мне на плечи и открыл дверь на третий этаж. – Давай, пойдём поговорим. Ты можешь мне рассказать обо всех ужасных вещах, которые сделали «Чи-О», а потом мы закидаем их общагу тухлыми яйцами или ещё чем-нибудь.

– Нет, – сказала я, хоть уже и позволила ему завести меня в коридор перед их с Минтом комнатой. – Я не хочу тебя беспокоить.

Он открыл дверь и завёл меня внутрь. При виде их комнаты я даже сейчас не смогла сдержать улыбку. Она была идеальной репрезентацией того, кем были Минт и Куп: одна сторона – в мужественных синих и коричневых тонах, с дорогими простынями, кубками за плавание и идеальной чистотой. Вторая была завешена постерами рок-групп, простыни были ярко-розовыми и повсюду валялся всякий хлам.

– Поверь мне, – Куп посадил меня на свою кровать, – ты точно меня не беспокоишь.

Он бросил ключи на стол и пошёл к двери.

– Подожди меня тут. Я пойду куплю нам газировки и жевательного мармелада, чтобы добавить тебе глюкозы в организм. Ты же любишь жевательный мармелад, да? Ты всё время его ешь, когда делаешь домашку.

Я кивнула, стараясь сдерживать слёзы.

– Хорошо, я сейчас вернусь. Серьёзно, не уходи никуда. – Куп вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Оставшись одна, я дала волю слезам. Я не понимала что я сделала не так. Во время борьбы за место в «Чи О» я старалась не слишком обольщаться, подбирать запасные варианты, но это не имело никакого значения: я всем сердцем хотела в «Чи-О». Я воображала как иду по кампусу с этими буквами на груди, и все видят что я из себя представляю. Мечтала, как скажу папе, что попала в лучшее сестринство на кампусе. Представлю ему неопровержимое свидетельство: «Смотри, кто я. Такая хорошая. Другие это увидели и дали мне это в доказательство».

Дверь распахнулась, и я вздрогнула от неожиданности. Но вместо Купа в дверях стоял и пялился на меня Минт. Я вытерла со щёк слёзы; пальцы были все чёрные от макияжа. О, господи. День делался только хуже.

– Извини, – сказала я, вскакивая на ноги. – Я тут болтала с Купом. Я пойду.

– Подожди. – Минт бросил рюкзак на пол, а пальто – себе на стол. – Ты плачешь. – Он посмотрел на меня поближе. – Сегодня же решающий день для сестринств?

Конечно, Минт это знал. Он, Джек и Фрэнки на следующей неделе будут приносить клятвы верности «Фи Дельте». Увидеть, что он понимает, через что я прохожу, было облегчением, но также и унижением, потому что у него-то никаких проблем с попаданием сразу на самый верх не было.

– Ну же. – Минт сел на свою идеально заправленную кровать и постучал по месту рядом с ним. Я прошла через комнату и села, глядя на него исподлобья.

– Меня не взяли в «Чи-О», – призналась я; каждое слово отзывалось болью. – Я очень туда хотела.

– Конечно, хотела. А куда тебя взяли?

– В «Каппа».

Минт тронул моё колено своим.

– Каппа – это хорошо.

Я посмотрела на него. Как это было возможно, что даже тут, в середине дня в полутёмной комнате общежития, его глаза были такими невозможно голубыми?

– Тебе необязательно мне врать. Мы оба знаем, что «Чи-О» – лучшие. Кортни и Хезер обеих приняли.

– Хезер?

Я развернулась к нему лицом.

– Прикинь, да? Я не хочу грубить, но... – Я замешкалась. Это пожирало меня, прожигало дыру в сердце. Я хотела сказать это вслух, но не знала как отреагирует Минт. Что если он скажет мне уйти, а потом расскажет Хезер? Я глубоко вдохнула, а потом решилась на прыжок. – Почему она?

Кортни я бы поняла: конечно её приняли в «Чи-О», она была рождена для этого. Но Хезер? Хезер и хорошенькая-то едва-едва. У неё слишком большой лоб. Она маленькая. Не то чтобы она лучше учится или намного более популярная. Членство в «Ист-хаузской семёрке» давало нам с Хезер равное положение – по крайней мере, я так думала. У её семьи были деньги – ну и что? Или дело было в силе её громкого голоса, её уверенности, её чересчур яркой личности?

Это были ужасные мысли. Я любила Хезер. Она давала мне смелость – как будто когда мы вместе, для нас не было ничего невозможного. Но я просто не могла перестать вспоминать, как

она прыгала вместе с Кортни, смеялась и размахивала приглашением, которое должно было бы быть моим. А что если наши места перепутали? А что если я пойду к президенту студенческих сообществ и потребую расследования, и они осознают свою ошибку. Я представила себе, как президент забирает у Хезер её приглашение и отдаёт мне.

Нет. Конечно, я не могла так поступить. Но я чувствовала себя такой беспомощной. Я хотела контролировать хоть что-то, избавиться от боли. Образ счастливого лица Хезер больно меня ранил.

– Слушай, – сказал Минт, кладя руку мне на коленку. – Не выбрав тебя, «Чи-О» совершили ошибку. Покажи им это.

– Как? – Там, где мы соприкасались, по моей коже бегали мурашки.

– Каппа сейчас номер два, да? Тебе всего-то надо забрать первое место у «Чи-О». Соревнуйтесь активнее. Победите их в их собственной игре. Я тебе помогу.

– Поможешь?

Он повернулся лицом ко мне, скрестив ноги. Я не могла не вспомнить сцену из «Шестнадцати свечей», где Джейк Райян сидит через стол от героини Молли Рингвальд, между ними торт со свечами, и говорит ей загадать желание. Он был Джейк Райян, но в золоте.

– Конечно. Всем, чем смогу.

Я почти спросила его почему, но не хотела разрушать момент.

– Скажи мне что-нибудь, – вместо этого сказала я. – Что-нибудь стыдное.

– Что? – Минт выглядел ошеломлённым.

– Я только что рассказала тебе о своём провале, – сказала я, – и теперь я тут сижу и мне стыдно. Расскажи что-нибудь, чтобы мы были квиты.

Щёки Минта порозовели – неужели я вижу как он краснеет? Я наслаждалась своей властью.

– Что-нибудь чего ты никогда никому не говорил, – осмелев, добавила я.

Он внимательно меня изучал. Я, должно быть, выглядела очень жалко, потому что он выдохнул.

– Хорошо. Я расскажу тебе кое-что, чего я стыжусь, если ты поклянёшься никогда это не повторять.

– Клянусь. – Эти слова имели силу настоящей клятвы. Я чувствовала, как между нами со звоном натягивается струна.

– Моя мама... – Его голос сорвался, и он глубоко вдохнул. По мне побежали мурашки: он правда собирался сказать мне что-то важное, я это чувствовала.

– В прошлом году я узнал, что моя мама изменила моему папе.

Я сочувственно ахнула.

– Это было унижительно. Оказалось, она уже давно ему изменяла, с одним из членов совета директоров их компании. Все узнали. Но она отказалась перестать видеть этого мужчину. Я ожидал, что папа с ней порвёт, разведётся, чёрт, хотя бы даст этому уроду по морде. Я ожидал, что стану сыном разведённых родителей. Но он совершенно сдался.

– В каком смысле?

– Он был таким слабым. Он даже не боролся. Позволил им топтаться по нему, позволил этому мужику его кастрировать. Он несколько дней плакал и просил её с ним не разводиться, сказал, что она может продолжать видеть того парня, всё что захочет. Все узнали и об этом тоже, и теперь куда бы мы ни шли, все шепчутся о том, что моя мама спит с другим мужиком, а мой отец – чёртов рогоносец.

Чем больше Минт говорил, тем острее и жёстче делался его голос. Когда он сказал это странное слово «рогоносец», оно прозвучало, как битое стекло. Я отстранилась.

– Мой папа – ужасный трус. Я его ненавижу. Дома все болтают обо мне у меня за спиной и это – его вина. На вечеринке, которую устроила моя мама перед моим отъездом в Дюкет, я

запер дверь и не пустил его домой. Все смеялись и показывали на него в окне. И знаешь что? Вместо того, чтобы сочувствовать ему, мне это понравилось. Очень понравилось. Лузером был он, а не я.

– Минт, это ужасно, – сказала я, не в силах удержаться.

– Ну, да. Теперь ты знаешь мой стыдный секрет. Тебе лучше?

Мы сидели молча, пока я осознавала, что у такого идеального Марка Минтера такая ненормальная семья. Я сглотнула.

– Мне кажется, я тоже ненавижу своего отца.

Минт изучал своё одеяло, а теперь посмотрел на меня.

– Правда?

– Думаю да.

– Да уж, посмотри на нас. Два козла, ненавидящих своих пап.

Я с облегчением рассмеялась, потому что конечно же Минт – не козёл, и если я в одной группе с ним, то со мной всё будет хорошо.

– Поверить не могу, что ты сказал мне что-то такое личное, – сказала я.

– Ты меня спросила.

– Да, но... Я не думала, что ты правда это сделаешь.

– Джесс. – Минт моргнул. – Ты мне нравишься.

Второй раз за тот день мир сошёл с орбиты. Марку Минту нравлюсь я? Я, Джессика Миллер? Это была самая невероятная из всех побед: как выиграть в лотерею или найти в шоколадке золотой билетик.

Он сглотнул, выглядя невыносимо смущённым, и я осознала, что, потерянная в своём удивлении, я так и не ответила.

– Я тебе не верю, – сказала я.

Он улыбнулся, ярко, как солнце, и снова стал золотым мальчиком, оставив позади стыдное признание.

– Почему это?

– Потому что ты... Минт.

Он положил руки с обеих сторон моего лица.

– Мне нравится, каким ты меня видишь.

Я глубоко вдохнула, чувствуя запах его парфюма: апельсин и специи, а потом он притянул меня к себе и поцеловал меня этими прекрасными губами. Поцелуй был медленный и нежный, пока я не подползла поближе и поднялась на колени, а он поцеловал меня крепче, запустив руки в мои волосы. Я, со сбившимся дыханием, отстранилась. Самый прекрасный парень в мире.

– Ты мне тоже нравишься, – сказала я; преуменьшение века, и снова его поцеловала.

Звук глухого удара заставил нас оторваться друг от друга. Моё сердце бешено забилось, я развернулась к двери. Там стоял Куп с упаковкой мармелада в руках, а две бутылки газировки катились по полу у него под ногами.

Глава 7

Сейчас

Если есть на земле ад, то он – в этом мгновении.

– Убей отца и освободишься? Цитировать Фрейда на вечеринке в колледже – слишком затаскано даже для тебя, дорогой. – Будто в замедленной съёмке, Каро прошла мимо меня к Купу и потянулась его поцеловать. Зрелище было сюрреалистичное: будто смотришь любимый фильм и обнаруживаешь, что актёры внезапно поменялись местами и теперь всё идёт не так. Я отвернулась и сосредоточилась на том, как мои острые каблуки пробивают в траве одинаковые дырочки.

– А я вот огорчился бы, если бы фирменный стиль Купа внезапно поменялся. – Минт поднял стакан. – Да будет мой любимый соседущка как можно дольше омрачать наши без того идиллические жизни!

Карамельно-красные губы Кортни растянулись в улыбке, демонстрируя зубки – такие же белые и прямые, как у её мужа.

– Вообще, раз мы с Минти не смогли попасть на помолвку, давайте выпьем за Каро и Купа!

Помолвка. Всплыли – слишком быстро, я не успела их отогнать – воспоминания, с размытыми от алкоголя краями, но для изобличения – достаточно чёткие. Я заметила, что все подняли бокалы и сосредоточилась. Я тоже поспешила поднять бокал, хоть он и был пуст.

– За Кэролин Родригез, – провозгласил Куп, – святого человека, который спас меня от депрессии и нищеты после юридического. Пусть я когда-нибудь стану достоин её!

Каро симпатично покраснела.

– За Каро и Купа, – нараспев произнесли все. Я, долей секунды позже, повторила.

– К вопросу о нищете и депрессии, угадайте, кого я видела? – Кортни сделала большие глаза, – Эрика Шелби. Помните, как он всё время следил за нами, куда бы мы ни шли? Не удивляюсь, что он как-то пробрался на нашу встречу выпускников.

Каро покраснела.

– Он тут вообще-то работает. И тебе следует быть с ним полюбезнее.

– Мне надо выпить, – сообщила я, не обращаясь ни к кому в отдельности, выковыряла каблуки из земли и поспешно направилась в сторону бара. Мой план трещал по швам. Никто не реагировал так, как я думала. Я не предвидела, что на меня так быстро нападёт Каро и не ожидала, что меня затолкают в общество Кортни и Минта; не знала, что почувствую клаустрофобию от присутствия где-то тут рядом пристально следящего за нами Эрика. И никогда в жизни я не могла бы предсказать свою реакцию на встречу с Купом.

Это всё меняло. Как я смогу показать всем эту новую, настоящую себя – блестящую, красивую, успешную Джессику – если мне придётся весь уикенд бегать от него? Как добиться триумфа, если каждое мгновение придётся сосредотачиваться на том, чтобы отгонять от себя воспоминания и делать вид, что мне плевать?

Я думала, что я уже поборолa это, волнение в крови, покалывающее осознание того, что Настоящий Куп из плоти и крови, стоит всего в нескольких ярдах позади меня. Мое тело было так напряжено, а он едва взглянул на меня.

Мне надо уйти. Создать между нами как можно больше дистанции. Бармен, как-то почувствовав моё настроение, наполнил мой стакан вином до краёв. Я сунула в его банку для чайных деньги и сбежала из шатра, направившись к бархатной тьме деревьев. Сегодняшний день пропал, но завтра я отыграюсь. Я не проиграла. Самое важное – это держаться подальше от...

– Убегаешь?

Я замерла, не закончив шаг.

– Похоже, твой фирменный стиль тоже не особенно поменялся.

Я медленно развернулась, вопреки всему ещё надеясь, но передо мной стоял он; высокий, освещённый светом из шатра, лицо наполовину в тени.

Я выпрямилась. Он внимательно смотрел, как я это делаю, наблюдая, как лямки моего платья впиваются в кожу. Я откашлялась.

– С места в карьер. У тебя это всегда отлично получалось.

Куп широко улыбнулся. Редкое зрелище.

– Что ты тут делаешь? – Спросила я.

– А почему бы и нет? Я же закончил Дюкет, правда? Как бы эти сволочи ни пытались не дать мне это сделать.

Я опрокинула бокал, давая вино потечь в моё горло. «Разговаривать с ним – плохая затея. Уходи, Джессика!»

– Твоё здоровье, – сказал он, поднимая собственный бокал.

Я старалась не смотреть ему в глаза, но ничего не могла поделать; его взгляд отрывал мой от земли и притягивал. Ярко-зелёные глаза, тёмные ресницы, смотрит на меня как всегда: слишком пронзительно. По моим рукам поползли мурашки.

– Насколько я помню, старый Куп считал, что встречи выпускников – это глупо.

– Может быть, новый Куп переполнен духом студенчества. – «Новый Куп». Конечно же. С колледжа прошло десять лет. С тех пор, как мы в последний раз общались – год. Он, как и я, теперь другой. Дело было не только в том, что он теперь адвокат – исход, который в колледже казался маловероятным. Или что живёт в другом городе и уже не неразлучен с Джеком, Фрэнки и Минтом. Он теперь обручён. Он принадлежит другой. Моей лучшей подруге.

Я снова и снова повторяла это про себя.

– Ну, – сказала я, шагая в сторону, чтобы его обойти, – я рада, что ты пришёл. Теперь разреши, пожалуйста.

Он поймал меня за локоть.

– Что... Мы не будем это обсуждать?

Всё моё тело пронзило будто льдом. Его рука была тёплой, осенний воздух – холодным. Он стоял так близко. Я открыла рот, чтобы заговорить, но он отрицательно потряс головой.

– Не смей спрашивать «что обсуждать».

Я не шевельнулась.

– Не думаю, что есть что сказать. Прошёл год.

Он сжал зубы.

– Можем мы, чёрт побери, честно поговорить хотя бы раз в жизни?

Я не смогла сдержать смех.

– Именно честный разговор всё и разрушил.

В его глазах блеснул огонёк. Пальцы, сжимавшие мой локоть, сжались сильнее.

Воспоминание: моё сердце разбито вдребезги. Моё тело не знает, как без него жить. Я, утопая в боли, не могу сделать и шага. Красивый сверкающий бар, бутылки красного вина, Каро, ослепительна в белом. Отчаянная мысль: «Я должна ему сказать».

Мы заходили на опасную территорию. Я чувствовала, как начинают шевелиться призраки. «Я была, – осторожно сказала я. – Очень пьяна».

– Так где же правда? Ты была честна или пьяна? – Глаза его были слишком серьёзными. Господи, Куп. Он всегда так много хотел.

Я вспомнила всё разом. Вечеринка по случаю помолвки Каро и Купа. Там были все: родственники, все наши друзья из колледжа (кроме, конечно, Минта и Кортни: те уехали в какое-то понтовое путешествие). Поначалу новость о том, что Куп встречается с Каро, была мне ножом в сердце. Будучи другом Каро, я была вынуждена во всех мучительных подробностях выслушивать, как они стали вновь общаться. Как Каро, которая поддерживала связь со всеми

старыми друзьями, сколько бы времени ни прошло, потому что вот такой она хороший человек, как-то ни с того ни с сего позвонила Купу.

И это, очевидно, был очень удачный момент. Куп, замученный юридическим университетом и работой на полную ставку, а к тому же ещё страдающий от чего-то – Каро так и сказала, шёпотом, втайне, только между нами: «страдает». Ему был нужен друг, и вот появилась она. Я делала вид, что удивлена, общалась с ней по телефону делано лёгким тоном, даже когда сердце моё колотилось, даже когда мне хотелось кричать, что я же знаю, от чего он страдает, и мне от этого тоже нелегко.

Я молча выносила их отношения, потому что должна была. Ждала, пока заживёт рана, или один из них бросит другого: я говорила себе, что это неизбежно.

Но случилось прямо противоположное. Каро сказала, что переезжает к нему в Гринвиль. Потом, слишком скоро, случился звонок, в котором Каро визжала от восторга, а у меня подгибались колени. Они обручились. Тут во мне что-то рассыпалось – что-то, что столько лет держало меня на ногах, даже когда я не подозревала о его существовании. Я испробовала все свои обычные способы приглушения боли, но ничего, кроме вина, не давало надёжного облегчения.

– Джесс, мне нужно, чтобы ты была честна со мной. – Куп дёрнул меня за локоть, притягивая к себе. – С тех пор, как я мог легко тебя читать, прошло много лет.

Была ли я в ту ночь на вечеринке в честь помолвки честна? Вцепившись в него в самом тёмном уголке бара, взмолившись:

– Не женись на ней. Ты должен был любить меня. Люби меня, люби меня, люби меня, – как заклинание, которое обретает силу от многократного повторения. Хватала его за руки. – Уйди сейчас со мной, идём. Давай сбежим и никогда не вернёмся.

Его руки на моих плечах.

– Ты пьяна, Джесс. Ты не думаешь что говоришь. – Его лицо будто выбито из камня.

– Я знаю, что ты так не думаешь. Потому что если бы думала, это была бы самая большая жестокость в твоей жизни. – Отходит назад, создавая между нами дистанцию.

– А Каро – твоя подруга.

Честна или пьяна?

Я посмотрела на руку Купа на моём локте, на его сильные, тонкие пальцы. Прошлась взглядом до крепких изгибов его бицепсов, которые были видны даже через свитер, скользнула по элегантной линии его шеи до его полных губ, длинных ресниц, копны тёмных волос. Каждый дюйм был таким знакомым, прекрасным, приводящим в ярость.

Я чувствовала себя такой живой, какой не была уже целый год, а может быть и дольше, и это чувство приняло решение за меня. Я не могла позволить ему снова исчезнуть из моей жизни. С этого момента я буду играть по правилам, избегать рисков, держаться за нашу дружбу, и ничего более. Даже если мне достанется не больше, чем кусочек Купа – пара дружеских слов, рука на моём локте – мне хватит. Как бы больно мне ни было.

– Я была пьяна, – прошептала я, словно захлопывая этими словами дверь. – Конечно.

Он на мгновение закрыл глаза, а затем открыл их – они были тёмными и горящими.

– Трусишка.

Глава 8

Январь, третий курс

Что бы я ни делала, счета меня всё равно находили. Если я избегала почтовый ящик в студенческом центре, их доставляли к моей двери. Если я прятала их под книгами и бумагами на столе, они каким-то образом оттуда выкапывались, их случайно роняли со стола Каро и Хезер, и они рассыпались по полу.

В тот самый день, когда я открыла красный конверт и обнаружила, что на третьем курсе колледжа я имела долг в десять тысяч долларов – мне жирным шрифтом угрожали «обращением в суд в случае дальнейшей неуплаты» – родители Хезер удивили её новёхоньким «BMW». Был первый день родительского уикенда, который всегда превращал кампус в свою весёлую, но благопристойную версию. Мои родители никогда не приезжали. Конечно же они получали приглашение от школы – тяжёлое, тиснёное золотой фольгой – но они ни разу этого не упоминали.

Когда я открыла дверь в нашу комнату, со счётом в руках, я обнаружила, что там были не только Хезер и Каро, но и их родители; они радостно кричали и вскрывали шампанское на нашей крошечной кухне. Они чокались длинными искрящими бокалами и представляли собой живописную, хоть и неожиданную сцену.

Я остановилась в дверях.

– Что происходит?

– Предварительное празднование двадцать первого дня рождения Хезер, – с нежностью в голосе сказала доктор Шелби. Мама Хезер была вылитой копией её самой, вплоть до слишком большого лба. На ней были тяжёлые украшения и свободная одежда – как на какой-нибудь владелице дорогого спа-отеля. Это был стиль, с которым я познакомилась в Дюкете; я называла его «Богатая женщина за пятьдесят».

– Они подарили мне новую машину! – Хезер бросила мне связку ключей. – Больше никакой старенькой «Ауди». Я скоро собираюсь прокатить Джека с родителями, если хочешь, поехали с нами.

Я поймала ключи той же рукой, в которой держала красный конверт, а потом быстро отёрнула руку, чтобы они не увидели. Ключи были большими и тяжёлыми; на них были врезки с сине-белым логотипом «BMW» – могущественные талисманы богатства. Я сглотнула и положила ключи.

– А, обыкновенные ключики, – я улыбнулась, чтобы показать, что шучу. – Думала, они будут позолоченные или типа того.

Мне было любопытно что они сделают с аж пятилетней старой «Ауди» Хезер.

– Давай нальём тебе бокал, – сказал мистер Шелби. Он был маленьким, лысеющим, но постоянно улыбающимся мужчиной. – Французское. Настоящее.

– Вообще-то, – сказала я, сжимая в руках счёт, – я забыла, что у меня урок рисования.

– Рисования? – Мама Каро выглядела озадаченной. – Я думала, ты учишься на экономиста.

– Это правда, – сказала Хезер, взмахнув рукой. – Джесс – ужасно умная. Но она не вообще-то не любит экономику. Она обожает рисовать.

– Экономика – самый практичный выбор, – папа Каро предупреждающе посмотрел на неё, как будто волновался, что моя непрактичность может оказаться заразной. – Особенно на фоне спада. Ты слышала, говорят, что рынок недвижимости...

– А мне нравится, что у меня есть друг-художник, – перебила его Хезер. – Не всё в мире должно вертеться вокруг денег. – Она подмигнула мне и подняла свой бокал с шампанским. – За Джесс, нашего личного Ренуара!

– Не волнуйтесь, – сказала я папе Каро, игнорируя представление Хезер. – Это просто хобби. – Я отступила к двери, а развернувшись, чтобы помахать им рукой, поймала на себе удивлённый взгляд Каро. Она каждый семестр учила наизусть моё расписание, поэтому конечно же знала, что я вру насчёт рисования. Но мне надо было сбежать.

Я побежала по кампусу, не представляя куда хочу попасть, пока не оказалась перед башней Блэквел. Я вошла и полезла вверх по ступенькам; круг за кругом, выше и выше; с каждым шагом из глаз лились слёзы. Конечно же я не учусь на художника. Мне нужен серьёзный диплом, такой, с которым можно подняться в мире; с которым перед тобой открываются двери. В Дюкете очень легко увидеть как выглядит могущество: студенты в интернатуре в фондах своих отцов после того, как те пожертвовали большие суммы денег; постоянные профессора, которые брали отпуск, чтобы стать советником президента по торговым вопросам. Могущество выглядело как «Мазератти», припаркованные на местах для владельцев сезонных абонементов на футбол и знакомые фамилии на бортиках бейсбольных стадионов. Оно выглядело как доктор Джон Гарви, знаменитый экономист.

В этом семестре я наконец-то попала на один из курсов доктора Гарви, и было трудно не быть очарованной его лекциями. Он имел сухой, резкий голос, носил костюмы-тройки и цитировал секретарей министерства обороны. Он выговаривал всякому студенту, посмевавшему опоздать на лекцию, и требовал, чтобы мы прочитали все его книги по экономической теории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.